

**Федеральное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Кузбасский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»**

А. П. Веселова

**Женщины в системе уголовного правосудия
дореволюционной России: историко-правовой аспект**

учебное пособие

Новокузнецк, 2016

УДК 340.15+343.8

ББК 67.3+67.409

В 38

Рецензенты:

доцент юридического факультета ФКОУ ВО Кузбасский институт
ФСИН России, кандидат исторических наук **О. А. Голикова**;
заведующий кафедрой конституционного и административного права
НФИ КемГУ, кандидат юридических наук, доцент **Ю. А. Горбуль**

Веселова А. П.

В 38 Женщины в системе уголовного правосудия дореволюционной России:
историко-правовой аспект : учебное пособие / канд. ист. наук
А. П. Веселова. — Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН
России, 2016. — 50 с.

Учебное пособие направлено на изучение правового положения женщины как субъекта уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений в Российском государстве досоветского периода — XI — начала XX вв. Работа основана на анализе законодательных актов Российского государства, начиная с Русской Правды и заканчивая проектом Уголовного уложения 1903 года.

Учебное пособие может быть использовано при подготовке к семинарским и практическим занятиям по дисциплинам История государства и права России и История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции. А также при углубленном изучении тем, связанных с развитием институтов уголовного права Российского государства.

УДК 340.15+343.8

ББК 67.3+67.409

*Учебное пособие рассмотрено и одобрено
на заседании Методического совета
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
19 ноября 2015 (протокол № 3);
рекомендовано к изданию решением
Совета по научной и редакционно-издательской деятельности
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
27 ноября 2015 (протокол № 10)*

© ФКОУ ВО Кузбасский институт
ФСИН России, 2016

Оглавление

Введение.....	4
1. Женщины в системе уголовного правосудия в источниках права периода раннефеодальной монархии и феодальной раздробленности.....	6
2. Женщины в системе уголовного правосудия в источниках права периода сословно-представительной монархии.....	13
3. Женщины в системе уголовного правосудия в источниках права периода абсолютной монархии.....	24
Заключение.....	43
Список использованных источников и литературы.....	45

Введение

На сегодняшний день гендерные исследования являются одним из перспективных направлений гуманитарных наук, так как они обладают научным и познавательным потенциалом, способным привести в изученные темы качественно новые идеи. Важное место среди гендерных изысканий принадлежит ретроспективным работам, позволяющим увидеть исторические предпосылки современных социально-правовых явлений.

Представленное учебное пособие посвящено изучению положения женщины в системе уголовного правосудия дореволюционной России. Следует оговориться, что в работе уголовное правосудие понимается не только как осуществление уголовного судопроизводства, но в широком смысле как вид правоохранительной и правоприменительной деятельности государства в сфере борьбы с преступностью.

Учебное пособие направлено на изучение правового положения женщины как субъекта уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений в Российском государстве досоветского периода — XI — начала XX вв.

В учебном пособии освещены следующие моменты (насколько позволяют правовые источники конкретного исторического периода):

- женщина как субъект преступления;
- женщина как жертва преступления;
- типичные «женские» преступления;
- уголовные наказания в отношении женщин и особенности их применения;
- особенности уголовной ответственности женщин;
- уголовно-процессуальная правоспособность женщины.

Несмотря на кажущуюся специфичность темы, учебное пособие соответствует предмету дисциплины История государства и права России, конкретно той его части, которая посвящена изучению правовых источников.

Работа построена главным образом на анализе законодательных актов Российского государства, начиная с Русской Правды XI века и заканчивая проектом Уголовного уложения 1903 года. С текстами основных рассматриваемых источников обучающиеся знакомятся в курсе дисциплины История государства и права России. О большинстве других источников имеют общеисторические представления. В работе задействован широкий перечень нормативных документов светского и церковного происхождения (своды законов, церковные уставы, уложения, челобитья, указы, грамоты и др.), анализ которых позволяет создать более целостные представления о состоянии отдельных институтов права.

Выбранная структура пособия соответствует логике преподавания и изучения дисциплины История государства и права России. Учебное пособие построено на принятой в научном мире периодизации, отражающей основные этапы в развитии государственных и правовых институтов Российского государства. В работе последовательно рассматривается правовое положение

женщины как субъекта уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений в источниках права периода раннефеодальной монархии и феодальной раздробленности, сословно-представительной, абсолютной монархии¹.

В работе предпринята попытка не только продемонстрировать своеобразие законодательных положений каждой из исторических эпох в соответствии с рассматриваемой тематикой, но и выявить определенные тенденции в изменении положения женщины в системе уголовного правосудия на протяжении нескольких веков.

Следует отметить, что изучение особенностей отраслей права на основе нормативных актов различных исторических периодов, усвоение их отличительных характеристик составляет серьезную сложность для обучающихся. Представленное учебное пособие направлено на актуализацию важных положений изучаемых правовых источников, что способствует обобщению и запоминанию пройденного в курсе ИГПР материала.

Учебное пособие может быть использовано при подготовке к семинарским и практическим занятиям по дисциплинам «История государства и права России» и «История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции». А также при углубленном изучении тем, связанных с развитием институтов уголовного права Российского государства.

¹ Период конституционной монархии в России продлился несколько лет — с 1906 по 1917 гг. В эти годы продолжало действовать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакции 1885 г.) Однако еще в 80-е годы XIX столетия была начата активная работа по составлению нового уложения. В 1903 году был подготовлен проект Уголовного уложения, который, вероятно, должен был стать уголовным кодексом периода конституционной монархии, но так и не был введен в действие.

1. Женщины в системе уголовного правосудия в источниках права периода раннефеодальной монархии и феодальной раздробленности

Основополагающим источником данного периода является Русская Правда. Как известно, это древнейший письменный свод законов Киевской Руси, дошедший до настоящего времени. По общему мнению исследователей текст Краткой редакции Русской Правды относится к XI в., ко времени правления Ярослава Мудрого и его сыновей. Текст Пространной редакции связывают с именем Владимира Мономаха. Принято считать, что он возник в XII–XIII вв., не ранее 1113 года.

Русская Правда является по своему содержанию преимущественно сводом норм уголовного права. Однако статей, касающихся отдельно женщин как участниц уголовно-правовых отношений, в этом источнике немного. В Пространной редакции статьи подобного рода можно условно разделить на три группы. Статьи первой группы определяют правовое положение женщин, чьи мужья являются преступниками. Статьи второй группы касаются подневольных женщин. Наконец, третья группа представлена одной статьей, имеющей противоречивый характер, но непосредственно относящейся к рассматриваемой теме.

К первой группе можно отнести следующие статьи Пространной редакции Русской Правды:

ст. 7: «Будеть ли стал на разбой без всякоя свады, то за разбойника люди не платять, но выдать и всего с женью и с детьми на поток и на разграбление»¹;

ст. 121: «Аже холоп крадеть кого любо, то господину выкупати и любо выдати и, с кимь будеть крал, а жене и детем не надобе; но оже будут с нимь крали и хоронили, то всех выдати, паки ли а выкупаеть господин; аже будуть свободнии с нимь крали или хоронили, то князю в продаже»².

Статья 7 подразумевает, что за совершение преднамеренного убийства преступника вместе с женой и детьми переводят в холопы («поточат»), а их семейное имущество конфискуют. Невинная женщина в данном случае разделяет с мужем наиболее тяжкое уголовное наказание.

По сути, ст. 7 Русской Правды выражает тезис, применимый не только к периоду раннефеодальной монархии, но и к большей части истории дореволюционной России: положение женщины определяется правовым статусом ее мужа. Это можно объяснить, во-первых, подчиненной, второстепенной ролью жены в супружеской паре, во-вторых, нежеланием законодателя, учитывающего христианские ценности, разлучать семью. При этом вторая причина, безусловно, коррелирует с первой.

¹ Ст. 7 Пространной редакции Русской Правды (по Троицкому списку) // Хрестоматия по истории государства и права России : учебное пособие / сост. Ю. П. Титов. М.: Проспект, 2008. С. 10.

² Ст. 121 Пространной редакции Русской Правды (по Троицкому списку) // Там же. С. 25.

В свою очередь ст. 121 Русской Правды подчеркивает, что жена и дети холопа, совершившего кражу, не выдаются «головой», не подвергаются наказанию.

Таким образом, если к супругу применяется наказание в виде потока и разграбления, его жена и дети разделяют участь мужа и отца. Однако если речь идет о воровстве, содеянном холопом, и члены его семьи не являются ни участниками, ни пособниками, наказание на них не распространяется. Каким образом может быть объяснена логика законодателя? Прежде всего, следует обратить внимание, что в ст. 121 говорится о зависимых лицах — холопах. По общему мнению исследователей холоп по Русской Правде не является самостоятельным субъектом правоотношений, в том числе не выступает он и субъектом преступления. За преступление холопа отвечает его хозяин, выплачивая штраф потерпевшему (урок), либо лишаясь части своего имущества в виде выдачи холопа «головой». Соответственно, положение жены и детей холопа как собственности хозяина является определяющим по сравнению с их семейным статусом.

Кроме того, в ст. 7 речь идет о самом тяжком наказании, упоминаемом в Русской Правде, — о потоке и разграблении, которое наряду с обращением в холопы содержит важную «имущественную» часть — полную конфискацию имущества, необходимую для компенсации наиболее опасных с точки зрения законодателя преступлений. Изменение юридического статуса жены и детей могло быть связано, помимо рассмотренных выше причин, с ухудшением их материального положения.

Следующие статьи, которые можно объединить в одну группу, касаются зависимых женщин, ставших жертвой преступного посягательства:

ст. 15. «О ремесвенике и о ремесвенице. А за ремесвеника и за ремесвеницу, то 12 гривен»;

ст. 16. «А за смердии холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен»;

ст. 17. «А за кормилця 12, тако же и за кормилицю, хотя си буди холоп, хотя си роба»¹.

Обозначенные статьи свидетельствуют о том, что, во-первых, жизнь зависимой женщины («робы») ценилась дороже: за убийство холопа предполагается штраф в 5 гривен, за убийство рабы — 6 гривен. Во-вторых, ценность жизни подневольной женщины была обусловлена профессиональными навыками, специальными умениями, которыми она обладала: за убийство ремесленницы (ремесленника) и кормилицы (кормильца) штраф повышен до 12 гривен. В данном случае наказание не зависело от половой принадлежности жертвы преступления.

Вероятно, повышенные штрафы объясняются предполагаемым имущественным ущербом феодала. В частности, раба ценится дороже, поскольку может принести «приплод», способна на воспроизводство себе подобных.

Наконец, еще одна статья Русской Правды, которую условно можно выделить в отдельную группу:

¹ Ст. 15–17 Пространной редакции Русской Правды (по Троицкому списку) // Там же. С. 10.

ст. 88: «О жене. Аже кто убиеть жену, то тем же судомь судити, яко же и мужа; аже будеть виноват, то пол виры 20 гривен»¹.

В статье 88 речь идет о свободной женщине, ставшей жертвой убийства. Важность данной статьи объясняется тем, что ее понимание позволило бы с достаточной долей определенности решить вопрос о равенстве мужчины и женщины как субъектов уголовно-правовых отношений в рассматриваемый период. Однако наиболее важные моменты до сих пор остаются дискуссионными². Осмысление этой статьи вполне может стать темой отдельного научного исследования. Существующие точки зрения исследователей, носящие во многом полярный характер, выражены в различных переводах статьи 88. Остановимся на основных из них.

Первый вариант перевода ст. 88: «О женщине. Если кто убьет женщину, то (его следует) судить по тому же закону, как и при убийстве мужчины; если же (обвиняемый в убийстве) будет виновен, то (платит) половину виры — 20 гривен»³.

Согласно данному варианту перевода штраф за убийство свободной женщины составляет 20 гривен, что в два раза меньше, чем вира за убийство свободного мужчины (40 гривен). Подобное наказание (полувиры) предусмотрено по Русской Правде, например, за причинение мужчинам тяжкого вреда здоровью, связанного с утратой какого-либо органа (см. ст. 27 «Если кто ранит руку, так что рука отпадет или усохнет, или также ногу, глаз или нос, за то платит полувиры — 20 гривен, а раненому за увечье — 10 гривен»). Оценивая жизнь женщины в два раза меньше, чем жизнь мужчины, Русская Правда, если следовать рассмотренной версии, узаконивает неравенство по половому признаку. Неравное положение женщины, в том числе и в уголовно-правовых отношениях, соответствует общим установкам феодального общества.

Второй вариант перевода ст. 88: «Если кто убьет свободную женщину, то подлежит такому же суду, как и убийца свободного мужчины, но если убитая была виновата, то взыскать с убийцы полвиры, то есть 20 гривен»⁴.

Таким образом, за убийство женщины предусмотрено такое же наказание, как и за убийство мужчины — вира в размере 40 гривен (см. ст. 3, ст. 5 Пространной редакции). Законодатель особо подчеркивает это равенство («тем же судомь судити»), однако оговаривает, что если убитая будет виновна, то наказание будет уменьшено в два раза и составит полвиры. Рассмотренная точка зрения и перевод, предполагающий доказательство вины убитой, представляется наиболее убедительными. Данная версия снимает противоречие между двумя составными частями статьи. Кроме того, она соответствует общему смыслу рассмотренных выше ст.ст. 15, 17 Пространной редакции, предполагающих одинаковое наказание за убийство зависимых мужчины или

¹ Ст. 88 Пространной редакции Русской Правды (по Троицкому списку) // Там же. С. 21.

² Ярмонова Е. Н. Правовое положение женщины на Руси в период с IX–XV век : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 100–101.

³ Ст. 88 Пространной редакции Русской Правды // Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 132.

⁴ Ст. 88 Пространной редакции Русской Правды (по Троицкому списку) // Там же. С. 21.

женщины равного статуса. Однако при всей привлекательности этого варианта, неоспорим остается следующий факт: статей, которые предполагали бы для убийцы мужчины своего рода смягчающее обстоятельство в виде вины самой жертвы, в Русской Правде нет. За убийство простого свободного мужчины в любом случае предусмотрена вира в размере 40 гривен.

Следующим документом, без которого невозможно охарактеризовать положение женщины как участника уголовно-правовых отношений периода раннефеодальной монархии, является Устав Ярослава Мудрого «О церковных судах». Русская Правда, несмотря на то, что на ее основе сформированы представления об уголовном и уголовно-процессуальном праве Киевской Руси, не затрагивает некоторые категории преступлений, без которых сложно представить человеческий социум. В том числе речь идет о преступлениях против семьи и нравственности, участником которых неизменно выступает женщина.

Следует оговорить, что существуют различные исследовательские позиции относительно времени возникновения Устава Ярослава Мудрого и в целом его исторической достоверности. Работы Я. Н. Щапова доказывают, что основная часть статей Устава относится к XI–XII вв.¹ Я. Н. Щапов, вслед за Ф. Морошкиным, считает Церковный устав необходимым дополнением к Русской Правде, вместе с которой он создает картину древнерусского права². Эта позиция представляется очень убедительной. Устав Ярослава включил те правовые отношения, которые после определения княжеской юрисдикции традиционно продолжали регулироваться общиной, либо не были урегулированы вовсе в силу языческих установок, а затем были восприняты церковью для правового воздействия.

Церковный устав выделяет следующие преступления против женщин: против половой неприкосновенности (изнасилование, групповое изнасилование), против свободы, чести и достоинства (похищение, оскорбление — «сором», бесчестье, позор). В качестве наказаний в Уставе, как и в Русской Правде, установлена система штрафов, выплачиваемых в этом случае епископу и потерпевшей. Данные статьи содержат уточнение: «а князь казнить», что, вероятно, означает совместный суд церковной и княжеской власти. Обращает на себя внимание то, что наказание дифференцировано в зависимости от социального происхождения женщины. Например, за изнасилование «боярской дщери или боярской жены» следует заплатить по 5 гривен золота потерпевшей и епископу, «меньших бояр» — по гривне золота, «нарочитых людей» (знатных) — по 2 гривне серебра, «простои чади» (простых людей) — по 12 гривен³.

Отдельную группу по Уставу Ярослава составляют деяния, которые в настоящее время не квалифицируются в качестве преступлений. Речь идет о прелюбодеянии, полигамии и нарушении степеней родства и свойства,

¹ Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М.: Наука, 1972. С. 293.

² Щапов Я. Н. Указ. соч. С. 180.

³ Денежный счет приведен в соответствии с архетипом Устава Ярослава Мудрого. См.: Архетип Устава Ярослава // Щапов Я. Н. Указ. соч. С. 293–294.

установленных христианской церковью, при заключении брака и при половых сношениях. Устав не оговаривает отдельное наказание для мужчины и для женщины за их совершение, но устанавливает общий штраф в пользу епископа.

За участие в полигамных связях Церковных устав предусматривает для женщин более строгие наказания, даже в том случае, когда ее можно считать пострадавшей. Так, двоеженцу грозит штраф в пользу епископа, расторжение второго брака и возвращение к «старой» жене. Вторую жену следовало передать в «дом церковный» (вероятно, монастырь, т. е. женщину ожидало пострижение в монахини). Для двоемужницы, в свою очередь, оба брака (и первый, и второй) признавались незаконными, женщину отдавали в монастырь, а штраф (продажу) платил второй муж¹. Я. Н. Шапов считает такое распределение ответственности следствием недостаточной правоспособности женщины². Если руководствоваться данной логикой, то можно предположить, что основным ответчиком по рассмотренным деяниям, связанным с половыми сношениями между близкими родственниками и свойственниками, выступает мужчина (выплата штрафа ложится на него).

Что касается характеристики прелюбодеяния, то древний текст Устава (XI–XII вв.) содержит только статью о супружеской измене мужчины, которая предполагает наказание, определяемое епископом (вероятно, речь идет о епитимье)³. Статьи, описывающие прелюбодеяния жены, появляются в более поздних редакциях. В соответствии с ними измена супруги выступает для мужчины основанием для законного развода. Указанный повод для развода подтверждают и другие источники⁴.

Устав Ярослава относит к юрисдикции церкви такие преступления как: кражи супругов друг у друга, драки между женщинами, а также избивание мужчиной чужой жены. За совершение кражи мужем у жены или наоборот, вне зависимости от пола виновного предусмотрено наказание в виде штрафа в пользу епископа⁵. В более поздних редакциях по отношению к женщине появляется другая санкция: «аще жена у мужа крадеть,... митрополиту 3 гривны, а муж казнить...»⁶, то есть наказание для укравшей жены определяет супруг по своему усмотрению (вряд ли имеется в виду какое-то суровое наказание, так как в документе есть пояснение о невозможности развода под предлогом совершенной кражи). Представляется, что указанные статьи разных редакций не противоречат друг другу. Если следовать логике остальных положений Устава, предусматривающих ограниченную имущественную правоспособность замужних женщин, то в версии, представленной архетипом Устава (более ранней редакции), наказание будет возложено в итоге на всю семью, платить штраф придется супругу.

¹ Шапов Я. Н. Указ. соч. С. 245, 295.

² Шапов Я. Н. Указ. соч. С. 246.

³ См. ст. 9 Архетипа Устава Ярослава // Шапов Я. Н. Указ. соч. С. 294.

⁴ См. Кормчая. М., 1898. Л. 502. Лещенко В. Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб., 2004. С. 283.

⁵ В Уставе оговорены случаи кражи конопли, льна, зерна, белой одежды, ткани и белья. См.: ст. 29–30 Архетипа Устава Ярослава // Шапов Я. Н. Указ. соч. С. 295.

⁶ Шапов Я. Н. Указ. соч. С. 247.

В случае учинения драки между лицами женского пола, штраф предполагается только в отношении «виноватой» женщины¹. Любопытна статья Устава Ярослава Мудрого, устанавливающая наказание для мужчин, дерущихся «по-женски». Законодатель поясняет: «бьетсяя женскы, или укусить, или одереть, епископу три гривны»². В Уставе, таким образом, отмечены незначительные телесные повреждения, нанесенные мужчинами друг другу, что дополняет систему преступлений против здоровья, представленную в Русской Правде.

Побои, нанесенные мужчиной чужой жене, приравнены к ее оскорблению и наказываются аналогично³. Следует отметить, что текст Устава не оговаривает совершение подобных действий супруга по отношению к своей жене. Видимо, побои собственной жены не рассматривались светской властью как преступные деяния. Церковь наказывала мужа, нанесшего побои жене, шестью годами епитимьи, а также допускала при данных обстоятельствах развод по инициативе супруги⁴.

Следует отметить статьи Устава Ярослава, предусматривающие ответственность для родителей, отдающих девушку замуж против ее воли, либо наоборот препятствующих ее желанному замужеству, в случае, если она «что створить над собою» (также в отношении сына — «отрока»)⁵. Указанные деяния невозможно точно квалифицировать в силу недостаточных условий, представленных в архетипе Устава. В данном случае важен сам факт того, что принудительные действия родителей из разряда дел семейных, закрытых для правосудия, переходят в категорию деяний, подвергающихся наказанию.

В отдельную группу можно выделить отмеченные в Уставе специфические женские преступления, связанные с детьми и деторождением. За рождение внебрачного ребенка (как незамужней девушкой, так и замужней женщиной), а также детоубийство женщину надлежало отправить в «церковный дом»⁶. Устав Ярослава не содержит статей, предусматривающих наказание для женщин, совершивших аборт. Однако известно, что Древней Руси церковью это деяние каралось очень строго. Церковные книги предполагают за «изгнание плода» назначение епитимьи в виде поста сроком до 15 лет: «ино аще животное (живое — Н. П.) — 15 лет, аще образ есть — 7 лет, а зарод еще — 5 лет»⁷. Вероятно, штрафные санкции за совершение абортов не были определены.

К рассматриваемому историческому периоду относится еще один источник — Псковская судная грамота. Псковская судная грамота и тексты берестяных грамот, найденных на территории Новгорода и Пскова, свидетельствуют о равной с мужчинами процессуальной правоспособности лиц женского пола. Кроме того, согласно ст. 36 и ст. 58 Псковской судной грамоты

¹ Шапов Я. Н. Указ. соч. С. 255.

² Ст. 33 Архетипа Устава Ярослава // Шапов Я. Н. Указ. соч. С. 295.

³ Ст. 34 Архетипа Устава Ярослава // Шапов Я. Н. Указ. соч. С. 295.

⁴ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. С. 146.

⁵ Ст. 26, 36 Архетипа Устава Ярослава // Шапов Я. Н. Указ. соч. С. 295–296.

⁶ Ст. 5–6 Архетипа Устава Ярослава // Шапов Я. Н. Указ. соч. С. 294.

⁷ Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 94.

женщины, наряду с малолетними, престарелыми людьми, монахами могли выставляться за себя представителей для участия в суде или судебном поединке¹. В тексте источника речь идет о разбирательстве по поводу долгового иска. Однако резонно предположить, что в силу неразделенности гражданского и уголовного судопроизводства, женщина обладала такими же правами в уголовно-процессуальных отношениях.

Псковская судная грамота содержит любопытную статью о выкидыше, случившемся с беременной женщиной во время проведения следственных действий или действий по задержанию преступника в ее доме: «А который человек с приставом приедет на двор татя имать и татбы искать, или длъжника имать, а жонка в то время деля выверже, да пристава учнет головшинной окладати, или исца, ино в том головшины нет»².

Активная позиция женщины в описываемом случае («жонка ... да пристава учнет головшинной окладати, или исца...») показывает, что правовое сознание средневекового человека этого периода, улавливая причинно-следственную связь между нравственными страданиями беременной женщины и смертью ребенка, допускало возможность наказания должностных лиц за совершение действий, приведших к печальным последствиям. В целом, несмотря на то, что статья исключает ответственность для пристава и истца, важен сам факт правовой регламентации данной ситуации.

Главной особенностью данного периода в контексте рассматриваемой темы является регулирование правового положения женщины в системе уголовного правосудия как светским, так и церковным законодательством. Отражая в целом одинаковый статус лиц мужского и женского полов как субъектов уголовных отношений, правовые источники эпохи раннефеодальной монархии содержат нормы, косвенно указывающие на неравноправное состояние женщины.

¹ Ст. 36, ст. 58 Псковской судной грамоты // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 28, 30.

² Ст. 98 Псковской судной грамоты // Там же. С. 32.

2. Женщины в системе уголовного правосудия в источниках права периода сословно-представительной монархии

Сословно-представительная монархия по уровню централизации власти, организации системы государственных органов, развития правовых институтов является более прогрессивной формой по сравнению с раннефеодальной и сеньориальной монархией. Основным источником права этого периода являются новые сложные формы законодательства — общерусские своды законов — Судебники 1497 и 1550 годов и Соборное уложение 1649 года. Создание данных нормативных актов сыграло огромную роль в складывании политического, социально-экономического и правового единства страны.

Не вдаваясь в подробности истории создания Судебников 1497 и 1550 годов, необходимо отметить, что они содержат преимущественно нормы уголовного и процессуального права и являются своего рода «инструкцией» по организации судебного процесса.

Относительно рассматриваемого предмета — женщин в системе уголовного правосудия — в судебниках следует выделить две группы статей. Первая группа касается института представительства в судебном поединке. Ее составляют ст.ст. 49, 52 Судебника 1497 года и ст.ст. 17, 19 Судебника 1550 года. В соответствии с указанными статьями женщина, выступающая в роли истца, ответчика, а также послуха (свидетеля) имеет право выставить вместо себя наймита для участия в «поле» (судебном поединке)¹. Подобно Псковской судной грамоте судебники наделяют возможностью привлечения наемных бойцов те категории населения, которые по определению являются наименее физически подготовленными: наряду с женщинами упомянуты престарелые, малолетние, имеющие увечья, попы, монахи и монашки.

Судебник царя Федора Ивановича 1589 года дополняет этот перечень «девкой»²: «А против послуха ответчик стар, или мал, или немощен, увичен, или поп, или чернец, или девка, или женка, и тому против послуха наймит...»³. Таким образом, Судебник 1589 года подчеркивает, что правом на наймита обладает не только «женка», но и незамужняя женщина.

Ко второй группе можно отнести большую по объему и подробную 26 статью Судебника 1550 года:

«А бесчестие детем боярским, за которыми кормления, указати против доходу, что на том кормление по книгам доходу, а жене его безчестья вдвое против того доходу; которые дети боарьские емлют денежное жалование, сколко которой жалованья имал, то ему и бесчестие, а жене его вдвое против их бесчестна; а дьяком полатным и дворцовым безчестие что царь и великий князь

¹ Ст. 49, ст. 52 Судебника 1497 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 39. Ст. 17, ст. 19 Судебника 1550 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 35–36.

² Подробнее о Судебнике 1589 г. см. с. 20 настоящего пособия.

³ Ст. 28 Судебника 1589 года // Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956. С. 417.

укажет, а женам их вдвое против их бесчестна; а торговым гостем болшим пятдесят рублей, а женам их вдвое против их бесчестна; а торговым людем и посадким людем и всем середним бесчестна пять рублей, а женам их вдвое бесчестна против их бесчестна; а боярскому человеку доброму бесчестна пять рублей, опричь тиунов и довотчиков, а жене его вдвое; а тиуну боярскому или довотчику и праведчику бесчестна против их доходу, а женам их вдвое; а крестианину пашенному и непашенному бесчестна рубль, а жене его бесчестна два рубля; а боярскому человеку молотчому или черному городцкому человеку молодчому рубль бесчестна, а женам их бесчестна вдвое. А за увечие указывати крестианину, посмотри по увечию и по бесчестию; и всем указывати за увечие, посмотри по человеку и по увечью»¹.

Статья 26 Судебника 1550 года дифференцирует наказание за бесчестие в зависимости от социального статуса потерпевшего и его служебного положения. Судебник устанавливает наказание не только за бесчестие выходцев из привилегированных слоев (феодалы, дьяки палатные и дворцовые, гости и др.), но представителей простого населения (тиунов, крестьян, горожан). Сумма штрафа за бесчестие колеблется в пределах от 1 до 50 рублей. При этом во всех указанных случаях штраф за бесчестие жены уплачивался в двойном размере по сравнению с наказанием за бесчестие ее мужа.

М. Ф. Владимирский-Буданов, рассуждая применительно к тексту ст. 26 Судебника 1550 года о сложности понятия права чести, предполагает, что государство может использовать только два критерия его оценки: «положение лица в государстве (служба) в обществе (состояние)», а также «трудности или легкости для лица самозащиты в делах чести»². Видимо, последним обстоятельством с точки зрения исследователя можно объяснить двойное наказание за бесчестие, нанесенное женщине.

Также можно предположить, что бесчестие женщины было определено как «двойное» в силу того, что оно воспринималось как оскорбление, нанесенное не только женщине, но и супругу в ее лице.

К источникам периода сословно-представительной монархии относятся уставные книги приказов, в том числе Уставная книга Разбойной избы 1555–1556 гг. Одной из ее составляющих является Приговор 22 августа 1556 г. по губным делам³. По сути, Приговор о губных делах является руководством по проведению следственных действий для губных властей. Этот документ вслед за судебниками свидетельствует об утверждении розыскной формы судебного процесса.

В связи с рассматриваемой темой, любопытна ст. 14 Приговора: «А в грамотах к старостам писати, чтоб обыскивали вправду всякими людами, игумены и священники и лутчими людами и середними и молодыми, и

¹ Ст. 26 Судебника 1550 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 42.

² Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Выпуск второй. Киев, СПб., 1887. С. 130.

³ 1556 г. августа 22. Приговор о губных делах // Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956. С. 363.

розведывати им накрепко всякими обычай и женским полом; и от кого что услышат о государевых делах и о земских и о всяких росправах, — и о том писати к царю и государю или к тем бояром, у кого те города в приказе»¹.

Статья 14 содержит наставление губным властям проводить расследование всесторонне, разыскивая среди «всяких людей»: духовных лиц, лучших людей, молодых, а также женщин. Вероятно, речь идет о том, чтобы местные органы в реализации своих полицейских функций не пренебрегали показаниями данных категорий лиц (допрашивали не только «лихих людей»), воспринимали свидетельства, в том числе, женщин в качестве доказательств.

Источники показывают, что при проведении розыскных действий к женщинам могли применяться пытки, которые нередко заканчивались летальным исходом: «после пытки Гришкина жена Полстовалова Акулинка... с неделю лежала и умерла...»; «...после де пытки Кондрашко и Феська померли...»; в ходе расследования по делу отравительницы Дарьи Ламаковой «... не стало... женки Настьки у князя Федора... и Уськи у Лукьяна...»².

Крупнейшим правовым источником и памятником юридической мысли периода Московского государства является Соборное Уложение 1649 года, которое выступает своего рода итогом развития права эпохи сословно-представительной монархии. Соборное Уложение концентрирует основные правовые тенденции XV–XVII вв. и отражает переход к следующей ступени развития феодального государства — абсолютной монархии.

Уложение Алексея Михайловича содержит отдельную главу (XXII), посвященную наиболее тяжким уголовным преступлениями, совершенным не «лихими людьми», то есть не профессиональными преступниками. За большую часть преступлений, содержащихся в этой главе, была предусмотрена смертная казнь.

Соборное Уложение является первым светским источником права, который выделяет женщину как отдельного субъекта преступления. Прежде всего, в статьях, определяющих ответственность детей за преступления, совершенные по отношению к родителям (убийство, побои, «грубые речи», ограбление, непочитание, отказ содержать престарелых родителей), называется как сын, так и дочь: «А будет которой сын или дочь...»³. Особенностью данных преступлений является то, что за них предусматривались строгие наказания в виде смертной казни и битья кнутом (торговой казни).

Статья 14 XXII главы Соборного Уложения определяет наказание женщине, совершившей убийство своего мужа. Следует отметить, что при широком применении смертной казни в качестве вида наказания законодатель в большинстве случаев не определяет способ ее исполнения. Однако в отношении мужеубийцы квалифицированная смертная казнь описана в источнике довольно подробно. Мужеубийцу, закопав по плечи в землю,

¹ 1556 г. августа 22. Приговор о губных делах // Там же. С. 367.

² См.: Новомбергский Н. Колдовство в Московской Руси XVII столетия, СПб., 1906, № 1, 21, 33, 4. Цит. по: Памятники русского права. Вып. 7. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1963. С. 483.

³ Ст. 1, 4, 5, 6 Гл. XXII Соборного Уложения 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 132–133.

держали без еды и питья до наступления смерти: «живу окопати в землю, и казнити ея такою казне безо всякия пощады, хотя будет убитого дети, или инья кто ближния роду его, того не похотят, что ея казнити, и ей отнюд не дати милости, и держати ея в земле до тех мест, покамест она умрет»¹. Усугубляло мучения преступницы то обстоятельство, что местом «казни», как правило, являлось публичное место.

На практике имели место случаи замены казни в виде закапывания в землю другими видами наказаний. Известны истории и случаи помилования мужеубийц.

В 1677 году крестьянка Фетинья была окопана в землю за то, что отсекала косою голову своему мужу Логинку Гаврилову. Спустя сутки Фетинью было велено передать в Успенский женский монастырь для принятия пострига и «держатъ ея с великим бережением под крепким началом». Соборное Уложение запрещает кому-либо из родственников ходатайствовать о помиловании преступницы. Документ содержит сведения о том, что челобитную царю о замене наказания Фетиньи подали архимандрит Рождественского монастыря с братией, игумен Золотоворотского монастыря с братией, игуменья Успенского женского монастыря с сестрами, ключарь Успенского Богородицкого Собора с братией².

В 1682 году две женщины «ямская жена Маринка» и «стрелецкая жена Дашка» отравили мышьяком своих мужей, за что были подвергнуты уголовному наказанию в виде закапывания в землю. Пробыв трое суток в таком положении, женщины обещали принять постриг. В соответствии с царским указом они были направлены в Тихвинский женский монастырь. Новгородский митрополит Корнилий велел архимандриту Макарию проследить, чтобы женщины были переданы порознь, старицам «добрым и крепкожителным». При этом держать их следовало закованными в «тех же кандалах»³.

Вероятно, замена смертной казни пострижением в монастырь в подобных ситуациях не была редким явлением.

В 1689 году по делу об осуждении женки Палашки и девки Федоски за убийство мужа было вынесено решение о замене квалифицированной казни простой — отсечением головы. Указ содержал нормативное предписание о том, что «впредь иных таких жен за мужнее убийство в землю не окапывать»⁴.

¹ Ст. 14 Гл. XXII Соборного уложения 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 133.

² 14. 1677 Марта 11. Память Владимирского воеводы Федора Юрлова Успенского монастыря игуменья Маремьяне о пострижении крестьянки Фетиньи, которая за убийство мужа своего пробыла сутки окопанною в земле // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V. 1676–1700. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1842. С. 25.

³ 80. 1682 Марта 28. Грамота Новгородского митрополита Корнилия Тихвинского монастыря архимандриту Макарию об отдаче под начало и пострижение двух женщин, подвергнутых за уголовное преступление трехсуточному окопанию в землю // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V. 1676–1700. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1842. С. 127–128.

⁴ 1335. Февраля 19. Именной с Боярским приговором. О неокапывании в землю жен за убийство мужей их, а об отсечении им голов // Полное собрание законов Российской империи. Т. III.

Однако, несмотря на данный указ и приведенные выше примеры, следует отметить, что смертная казнь в виде закапывания в землю применялась по отношению к мужеубийцам вплоть до середины XVIII века.

Соборное Уложение не содержит статей, устанавливающих ответственность за убийство мужем своей жены. В Уложении также отсутствуют статьи, оговаривающие ответственность за нанесение мужем побоев и увечий жене. Возникает вопрос, подвергался ли супруг какому-либо наказанию за обозначенные деяния?

Возможный ответ на этот вопрос представлен в одном из актов 1614 года — «челобитье вдовы Федоры Желябужской об отпуске сына из под Смоленска для погребения дочери ея, убитой мужем»: «Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси бьет челом горькая вдова Григорьевская жена Желябужская Федорица. В прошлом, государь, во 121 году дала я, государь, дочеришко свое Таньку замуж за Федора Иванова сына Нащокина, и ныне, государь, тот Федор дочеришко мое Таньку убил до смерти, а тело ея лежит не погребено, а сынишко мой, государь, Ивашка на твоей государевой службе под Смоленском, oprичь его вступиться некому. Милостивый государь, царь и великий князь Михаил Федорович все Руси, покажи милость, пожалуй меня горькую вдовицу, призри на мои сиротьи бедные слезы своим царским милостивым призрением, вели, государь, сынишка моего Ивашка с государевой службы отпустите не на многое время к Москве погребсти тело дочеришка моего»¹.

Обращает на себя внимание, во-первых, содержание просьбы матери, которая бьет челом не о наказании преступника, а о возможности отпустить сына со службы. Во-вторых, ее аргументация: «oprичь его вступиться некому», хотя в конце челобитной она добавляет, что сына ждет «не на многое время к Москве погребсти тело дочеришка моего». В-третьих, резолюция на челобитной грамоте, содержащая указания только насчет сына вдовы: «Бояре приговорили ево со службы отпустить». Таким образом, в достижении правосудия мать надеется только на сына. Вероятнее всего за совершенное женоубийство Федор Иванов остался безнаказанным.

В качестве еще одного примера можно привести приговор Земского приказа 1664 года, определивший наказание для Ивашки Долгова, убившего свою жену, в виде битья кнутом и отдачи на поруки².

Таким образом, законодательство периода сословно-представительной монархии не содержит норм, отдельно определяющих ответственность мужа за убийство жены. Вероятно, применялись различные наказания от телесных до

С 1689 по 1699. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. С. 15.

¹ № 49-й «Челобитье вдовы Федоры Желябужской об отпуске сына из под Смоленска для погребения дочери ея, убитой мужем» // Акты Московского государства / под ред. Н. А. Попова. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1890. С. 84.

² 355. Февраля 12. Приговор Земского приказа. О наказании кнутом Ивашки Долгова за убийство жены своей, и об отпуске его на поруки // Полное собрание законов Российской империи. Т. I. С 1649 по 1675. От № 1 до 618. СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. С. 586.

церковных епитимий. Их назначение зависело от конкретного случая и усмотрения судебных органов. В любом случае, очевидно, что убийство мужем своей жены каралось значительно мягче, нежели мужеубийство.

В связи с этим не вызывает удивление отсутствие статей, устанавливающих наказание за побои, нанесенные мужем жене. По-видимому, бытовые насильственные преступления чаще всего оставались безнаказанными. Следует отметить, что физические «поучения» мужа по отношению к жене и детям являются не только обыденностью, но даже своеобразной нормой средневековой Руси. Достаточно обратиться к тексту Домостроя, являющемуся в течение нескольких веков наставлением в обустройстве семейной жизни:

«аще жена по тому научению и наказанию не живет, и так того всего не творит и сама того не знает и слуг не учит ино достоин мужу жена своя наказывати... а по всяку вину по уху ни по виденью не бити, ни под сердце кулаком ни пинком ни посохом не колоть никаким железным или деревянным не бить хто с сердца или с кручины так бьет многи притчи от того бывают слепота и глухота и руку и ногу вывихнуть и перст и главоболие и зубная болезнь а у беременных жен и детем повреждение бывает во утробе а плетью с наказанием бережно бити, и разумно и болно и страшно и здорова а толко великая вина и кручинавата дело, и за великое, и за страшное ослушание, и небрежение, ино соимя рубашка плеткою вежливенко побить за руки держа по вине смотря на поучив примолвити а гнев бы не был а люди бы того не ведали и не слышали, жалоба бы о том не была...»¹.

Домострой при этом не является призывом к совершению побоев. Скорее напротив, представленный отрывок можно воспринимать как попытку хоть как-то регламентировать домашнее насилие. Не случайно данный источник рекомендует применять физические поучения только там, где не действуют убеждения.

С. Ю. Шокарев пишет о многочисленных случаях истязаний женщин и детей, которые отражают судебные дела XVII в.: «Жалобы на домашних тиранов неслись к царю со всех концов страны»². Челобитные подавали родственники женщин, а также сами потерпевшие. Большое количество подобных прошений может свидетельствовать о том, что некоторые из них все-таки были результативны. Представляется, что мужчины могли быть подвергнуты наказанию за бытовые насильственные преступления не в силу нормативного закрепления ответственности за данные деяния, но благодаря «милости» верховных властей.

Статья 26 XXII главы предполагает наказание в виде смертной казни для женщины, погубившей своих детей, прижитых «в блюде»³. По-видимому,

¹ Ст. 38. Домострой. Полный текст. Сильвестровская редакция // [Электронный ресурс] // Библиотекарь.Ру — электронная библиотека нехудожественной литературы по русской и мировой истории, искусству, культуре, прикладным наукам. Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/rus/9.htm> (дата обращения: 19.10.2015).

² Шокарев С. Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 366.

³ Ст. 26 Гл. XXII Соборного уложения 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 135.

данный признак («блуд») являлся ключевым в определении квалификации преступления. Для сравнения: наказанием для родителя-детоубийцы (матери или отца) в иной ситуации являлся год (!) тюремного заключения и церковное покаяние¹. Столь существенная разница объясняется, вероятно, тем, что «блуд» сам по себе считался серьезным преступлением. Цель смертной казни в данном случае источник определяет следующим образом: «чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися»².

Соборное Уложение 1649 года, наряду с рассмотренными нормами, носящими очевидный дискриминационный характер, содержит статью, устанавливающую отсрочку исполнения смертного приговора беременным женщинам: «тоя жонки, покаместа она родит, смертию не казнити, а казнити ея в те поры, как она родит»³. До рождения ребенка осужденную предполагалось содержать в тюрьме. Отсрочка смертной казни объясняется, видимо, не состраданием к особому положению женщины, но заботой о невинном ребенке.

Статья 25 XXII главы Соборного Уложения устанавливает уголовную ответственность как женщин, так и мужчин за организацию сводничества (сутенерство): «А будет кто мужескаго полу, или женского, забыв страх Божий и христианский закон, учнут делати свады жонками и девками на блудное дело, а сыщется про то допряма, и им за такое беззаконное и скверное дело учинити жестокое наказание, бити кнутом»⁴.

Если в нормативном акте присутствует статья о наказании за организацию занятия проституцией (вовлечение в занятие проституцией), то закономерно возникает вопрос о криминализации самого явления в рассматриваемый период. Занятие проституцией является типично женским преступлением. С точки зрения некоторых дореволюционных историков проституция в России появилась только в период правления Петра I как результат европейского влияния⁵. Однако текст Соборного Уложения и ряда других источников опровергает это утверждение.

Адам Олеарий, немецкий ученый, посол Голштинии, в описании своего путешествия в Московию в 30-х гг. XVII в. оставил следующее свидетельство:

«Перед Кремлем находится величайшая и лучшая в городе рыночная площадь, которая весь день полна торговцев, мужчин и женщин, рабов и празднующихся. Вблизи помоста... стоят обыкновенно женщины и торгуют холстами, а иные стоят, держа во рту кольца (чаще всего — с

¹ Ст. 3 Гл. XXII Соборного уложения 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 132.

² Ст. 26 Гл. XXII Соборного уложения 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 135.

³ Ст. 15 Гл. XXII Соборного уложения 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 134.

⁴ Ст. 25 Гл. XXII Соборного уложения 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 134–135.

⁵ Шокарев С. Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 248.

бирюзою) и предлагая их для продажи. Как я слышал, одновременно с этой торговлею они предлагают покупателям еще кое-что иное»¹.

Бернгард Леопольд Таннер, посетивший Москву в 1678 году, писал: «Есть еще одна большая улица, по которой проезжает царь, куда бы ни отправлялся; она простирается от Кремля и занята не иным кем, как живописцами... Любо в особенности посмотреть на товары или торговлю стекающихся туда москвитянок... Некоторые во рту держали колечко с бирюзой; я в недоумении спросил, что это значит. Москвитяне ответили, что это знак продажности бабенок»².

Судебник 1589 года, созданный в правление царя Федора Ивановича, содержит уникальную статью, позволяющую с одной стороны, удостовериться в существовании проституции в Московском государстве, а с другой — сделать вывод о том, что занятие ею в XVI веке не было запрещено на законодательном уровне. Статья 7 Судебника 1589 года: «А блядям и видмам безчестия 2 денги против их промыслов»³.

Женщины, занимающиеся блудным делом, не признаются Судебником преступницами. Более того, статья устанавливает штраф за бесчестье, причиненное «распутным» женщинам. Для сравнения: статья 71 Судебника 1589 года отказывает в компенсации оскорбления, нанесенного лихим людям: «А татем, и разбойникам, и зажигалщикам, и ведомым лихим людям безчестия нет, потому что оне лихие люди»⁴.

Следует оговориться, что существуют различные точки зрения по поводу того, был ли Судебник Федора Ивановича действующим. С. К. Богоявленский считал, что этот документ так и не был введен в действие, в противном случае составители Соборного Уложения 1649 года в качестве источника использовали бы его, а не «старый царский Судебник» (Судебник 1550 года)⁵. Л. П. Черепнин пришел к выводу, что Судебник 1589 года является источником права, регламентирующим жизнь населения черносотного севера (Поморья)⁶. Представляется, что ни одна из озвученных позиций не нарушает выводы, которые позволяет сделать ст. 70 Судебника относительно занятия проституцией.

Проституция не была наказуемым деянием с точки зрения светского законодательства. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что православной церковью это явление осуждалось и преследовалось. Судя по вопросам,

¹ Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / пер. с нем. А. М. Ловягина. СПб.: Издание А. С. Суворина. 1906. С. 153.

² Таннер Бернгард Леопольд. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / пер., прим. и прил. И. Ивакина. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1891. С. 62.

³ Ст. 70 Судебника 1589 года // Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956. С. 421.

⁴ Ст. 71 Судебника 1589 года // Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. С. 421.

⁵ Судебник царя Федора Ивановича 1589 года. По списку собрания Ф. Ф. Мазурина. М., 1900. С. XXII.

⁶ Судебник 1589 года // Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. С. 409.

содержавшимся в исповедных опросниках («В гостиницу ходил ли еси блуда ради?», «Во блудницах не бывала ли?»¹), за занятие проституцией, а также за пользование услугами распутных женщин назначались церковные наказания в виде епитимий.

С. Ю. Шокарев предполагает, что против «непотребных» женщин могла применяться «торговая казнь». Этот вывод по общему смыслу соответствует рассмотренной выше ст. 25 Соборного Уложения, устанавливающей подобное наказание за сводничество. Кроме того, С. Ю. Шокарев приводит свидетельство Котошихина о том, что именно так карали за прелюбодеяние: «А которые люди воруют з чужими женами и з девками, и как их изымают, и того ж дни или на иной день обеих, мужика и жонку, кто б каков ни был, водя по торгом и по улицам вместе нагих бьют кнутом»². Представляется, что телесные наказания за занятие проституцией не были широко распространены и использовались скорее в качестве демонстрационных карательных операций. Чаще всего в отношении блудных женщин применялось церковное покаяние.

Наряду с нормами, определяющими правовой статус женщины как субъекта преступления, Соборное Уложение содержит статьи, которые рассматривают женщину в качестве потерпевшей.

Статья 17 главы XXII Соборного Уложения описывает категорию преступлений, жертвами которых, по-видимому, в большинстве случаев становились лица женского пола:

«А будет кто с похвалы, или с пьянства, или умыслом наскочет на лошади на чью жену, и лошадыю ея стопчет и повалит, и тем ея обесчестит, или ея тем боем изувечит, и беременная будет жена от того его бою дитя родит мертво, а сама будет жива, а с суда сыщется про то допряма, и тому, кто так учинит, за такое его дело учинити жестокое наказание, велеть его бити кнутом нещадно, да на нем же доправити той жене бесчестие и увечье вдвое, да его же вкинути в тюрьму на три месеца. А будет от того его бою та жена и сама умрет, и его за такое его дело самого казнити смертию»³.

Законодатель включает данный состав в Соборное Уложение вероятно в связи с частым характером подобных происшествий. Статья 18 оговаривает, что если убийство женщины при подобных обстоятельствах будет совершено неумышленно, «без хитрости» («потому, что лошадь от чего испужався, и узду изорвав рознесет, и у держати ея будет не мочно»), то наказанию оно не подлежит⁴. Для сравнения: точно также не является наказуемым убийство мужчины на охоте, совершенное случайно, «без умышления»⁵.

Глава XX Уложения содержит статью, направленную на защиту чести зависимых женщин:

¹ Шокарев С. Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М., 2012. С. 249, 252.

² Шокарев С. Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М., 2012. С. 253.

³ Ст. 17. Гл. XXII Соборного уложения 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 134.

⁴ Ст. 18. Гл. XXII Соборного уложения 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 134.

⁵ Ст. 20. Гл. XXII Соборного уложения 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 134.

«А кто учнет у себя в дому делати беззаконие с рабою з жонкою, или з девкою, и приживет с нею детей, и в том на него та раба учнет государю бити челом, и таких жонок и девок, и на кого они учнут государю бити челом, отсылати на Москве на Патриарш двор к патриаршим приказным людем, а в городех к митрополичьим и к архиепископлим приказным же людем, и велеть про них сыскивати святительским судом, и указ им чинити по правилом Святых Апостол и Святых Отец, и по допросу обеих их отцов духовных»¹.

Таким образом, ст. 80 XX главы предоставляет холопке возможность обращаться с жалобой к церковным властям на своего господина, если в результате его незаконных действий у потерпевшей родится ребенок. Сложно представить, чтобы эта норма имела практическое применение. В любом случае, наказание за совершенное деяние должен был определять не светский, но духовный суд. Вероятно, включение данной статьи в текст Уложения являлось уступкой православной церкви и своего рода данью христианским ценностям.

Статьи 69–73 главы XXI Соборного Уложения устанавливает ответственность за убийства, совершенные феодально-зависимыми людьми². Общий смысл данных статей сводится к тому, что потерпевшей стороной в случае убийства холопа или крепостного крестьянина считается не семья убитого, но его господин. В связи с рассматриваемой темой, важным представляется то, что «пострадавшему» феодалу, в случае если совершенное убийство было неумышленным, в качестве компенсации передается зависимый человек вместе с женой и детьми. Если невольным убийцей является холоп (крепостной), то передается непосредственно он сам вместе с семьей. Если убийство совершено феодалом (или его родственниками, приказчиком), к новому хозяину переходит «лучший» человек с женой и детьми.

Статья 88 XXI главы предусматривает ответственность для жены и детей «татя» (вора) в случае, если в их доме будет обнаружено краденое и выяснится, что они про это знали: «... А будет поличное в дому чьем выняли, а жена и дети про те краденые животы ведали, и на них имати выть по указу. А будет бедны и заплатити нечем и их отдати исцу головою, покаместа отработаются, а на год им зачитати за работу, женскому полу по полутретья рубли»³. Таким образом, жена татя при указанных обстоятельствах попадала в зависимость от истца до тех пор, пока не отработает штраф.

Спорным является вопрос о регулировании Соборным Уложением деяний, направленных против половой неприкосновенности женщин. Соборное Уложение содержит две статьи, позволяющие некоторым авторам называть его

¹ Ст. 80. Гл. XX Соборного Уложения 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 132.

² Ст. 69–73 Гл. XXI Соборного Уложения 1649 года // Памятники русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. М., 1957. С. 393–394.

³ Ст. 88 Гл. XXI Соборного Уложения 1649 года // Памятники русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. М., 1957. С. 403.

первым светским законодательным актом, устанавливающим уголовную ответственность за изнасилование женщин:

«А будет кто умысля воровски, придет в чей дом, и похочет того дому над госпожею какое дурно учинити, или ея из того дому похочет куды увести, а люди ее от такова вора не оборонят, и учнут помочь чинити тем людем, кто по нее приедет, а после того про такое их дело сыщется: и тех воров, кто таким умыслом в чужой дом приедет, и которые люди им на такое воровство учинят помоч, всех казнити смертию»¹.

«А будет кто ратные люди, едучи на Государеву службу, или с Государевы службы по домом, учнут ставиться по селом и по деревням во дворех, или в гумнех для воровства, и станут грабити, и учинять смертное убойство, или женскому полу насильство ... и в том на них будут челобитчики, и по суду и по сыску про то их воровство сыщется допряма: и тех за смертное убойство и за насильство женскому полу, казнити смертию...»².

Следует обратить внимание на специальный статус субъектов рассмотренных преступлений (зависимые люди и «ратные люди»), а также на то, что в обеих статьях предусматривается наказание в виде смертной казни. Между тем примеры конкретных судебных решений второй половины XVII в. свидетельствуют о применении при назначении наказания за изнасилование более ранних норм, предусматривающих компенсационные выплаты пострадавшей женщине (штраф за бесчестие)³.

В связи с этим представляется, что приведенные выше статьи Соборного Уложения нельзя рассматривать в качестве общих норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления против половой неприкосновенности женщин.

Таким образом, светское законодательство сословно-представительной монархии, отражая в целом неравноправное положение женщины по отношению к мужчине, выделяет женщину в качестве отдельного субъекта преступления и жертвы преступного посягательства. Также в этот период получили правовую регламентацию категории преступлений, которые традиционно относят к женской преступности — сводничество и детоубийство.

¹ Ст. 16 Гл. XXII Соборного уложения 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 134.

² Ст. 30 Гл. VII Соборного Уложения 1649 года // Памятники русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. М., 1957. С. 57.

³ См., например: 1266. Именной указ с боярским приговором 4 ноября 1687 года. О наказании за изнасилование девки самого виновника и его помощников в сем преступлении, по мере содействия // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. II. 1676–1688. СПб., 1830. С. 901–902; 1267. Именной указ 6 ноября 1687 года. О несылке в Соловецкий монастырь Степана Коробьина под начало за изнасилование девки, и об уплате ей безчестия 500 рублей // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. II. 1676–1688. СПб., 1830. С. 903.

3. Женщины в системе уголовного правосудия в источниках права периода абсолютной монархии

Абсолютная монархия начинает формироваться в России во второй половине XVII в., в царствование Алексея Михайловича Романова. Однако окончательное утверждение абсолютизма происходит в первой четверти XVIII в. в период правления Петра I. Юридическим оформлением этого момента можно считать присвоение Российскому государству статуса империи, а его главе — титула императора (1721 год).

Абсолютная монархия как форма правления просуществовала в России до 1906 года, когда в результате революционных событий и принятия Манифеста от 17 октября 1905 года, была принята новая редакция Основных государственных законов, вводившая двухпалатный парламент в составе Государственной Думы и Государственного Совета.

Период абсолютной монархии характеризуется стремлением государства к регламентации всех сфер жизни общества, следствием чего является большое количество разнообразных нормативных актов, в том числе касающихся анализируемой темы. Развитие уголовного права эпохи абсолютизма представляется наиболее логичным рассматривать по следующим этапам:

1. конец XVII — 50-е гг. XVIII вв. — становление и развитие петровского уголовного законодательства;

2. 60-е гг. XVIII — начало XIX вв. — отсутствие новых уголовных сводов, но появление перспективных теоретических идей и проектов;

3. 20-е годы XIX — начало XX вв. — принятие первого уголовного кодекса, формирование буржуазного уголовного права.

Основными источниками уголовного и уголовно-процессуального права XVIII в. являются Артикул Воинский и Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 года. Артикул Воинский содержит нормы уголовного права, Краткое изображение процессов или судебных тяжб является по своей сути уголовно-процессуальным кодексом. Следует отметить, что существуют различные точки зрения по поводу пределов действия Артикула Воинского, в том числе такие, которые утверждают о распространении его положений исключительно на военнослужащих. Однако большинство исследователей придерживаются мнения о применении Артикула в общих судах и в отношении всего гражданского населения¹.

Прежде всего, обращает на себя внимание артикул 163 Артикула Воинского, который к наиболее тяжким преступлениям против личности относит убийство матери, отца, младенца и офицера. За совершение данных преступлений предусмотрен один из квалифицированных видов смертной казни — колесование. Рукописный вариант Артикула содержал более широкий круг лиц, убийство которых наказывалось колесованием: «Ежели кто отца своего, мать, жену, дитя, брата, сестру или других сродников своих, что ему и им в родне той жениться невозможно или начальство свое или поставленного

¹ См. об этом Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I / под ред. К. А. Софроненко. М., 1961. С. 289–295.

над собою офицера наглым образом умертвит, оного колесовать, а тело его на колесо положить»¹.

Таким образом, женоубийство в первоначальном варианте Артикула являлось квалифицированным преступлением, что уравнивало бы в данном отношении мужчину и женщину². Однако Петр I собственноручно вычеркнул из рассматриваемого перечня упоминания о жене, сестре, брате и других родственниках, оставив только родителей, младенца и офицера.

Знание этой подробности позволяет понять противоречие между самим 163 артикулом и толкованием к нему:

Артикул 163 «Ежели кто отца своего, мать, дитя во младенчестве, офицера наглым образом умертвит, онаго колесовать, а тело его на колесо положить, а за прочих мечем наказать.

Толк. Ежели сие убийство учинится ненарочно, или не в намерении кого умертвить, якобы кто похотел жену свою или дитя наказать, и оную так жестоко побьет, что подлинно от того умрет, то правда, что наказание легче бывает, а ежели умышленное убийство будет, тогда убийца имеет мечем наказан быть»³.

Представленное толкование позволяет резюмировать несколько важных моментов. Во-первых, убийство жены мужем получает отдельную регламентацию. Во-вторых, данное преступление наказывается простой смертной казнью (обезглавливанием). В-третьих, смертная казнь предусмотрена только за умышленное женоубийство. В-четвертых, смерть женщины в результате побоев, нанесенных мужем, рассматривается как неумышленное преступление и влечет более мягкое наказание. Наконец, в-пятых, несмотря на четвертое пояснение, следует признать, что побои, нанесенные мужем жене и детям, получают закрепление в светском законодательном акте и становятся уголовно наказуемым деянием.

Артикул Воинский не содержит статьи, отдельно устанавливающей ответственность для женщины за убийство своего мужа. Однако, известно, что Артикул и Соборное Уложение действовали параллельно друг другу, и наказание в виде закапывания в землю для мужеубийц применялось, по крайней мере, до 1740 года.

Артикул Воинский содержит отдельную главу, регламентирующую преступления против половой неприкосновенности и нравственности (гл. XX. О содомском грехе, о насилии и блуде). Ограничение компетенции духовных властей посредством перевода данной категории преступлений из церковной юрисдикции в светскую, является важной тенденцией в развитии уголовного законодательства этого периода. Для сравнения: Соборное Уложение содержит

¹ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.-Л., 1945. С. 48–49. Цит. по: Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I / под ред. К. А. Софроненко. М., 1961. С. 436.

² Для сравнения и напоминая: мужеубийство по Соборному Уложению являлось квалифицированным преступлением, в то время как убийство жены специально не регламентировалось.

³ Арт. 163 Артикула Воинского // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 180.

только одну статью сходного характера — об определении ответственности за сводничество¹.

В соответствии с арт. 167–168 изнасилование женщин, а также похищение с целью изнасилования, карается смертной казнью (отсечением головы) или вечной ссылкой на галеры². Примечательно, что в толковании к арт. 167 законодатель распространяет действие этой нормы в том числе на женщин легкого поведения, но при условии, что они смогут доказать факт изнасилования: например, «егда изнасилованная свидетелей имеет, что она с великим криком, других на помочь призывала»³.

Законодатель разграничивает оконченное и неоконченное изнасилование, оставляя решение вопроса о наказании в последнем случае на усмотрение судьи⁴.

Несколько статей Артикула Воинского рассматривают женщину в качестве субъекта таких преступлений как прелюбодеяние и кровосмешение. Наказанию подлежат так называемое «двойное прелюбодеяние» (связь женатого мужчины и замужней женщины), «одинокое» прелюбодеяние (связь замужней/женатого с неженатым/незамужней), а также половая связь между близкими родственниками и свойственниками⁵. Кровосмешение в близких степенях предполагает наказание в виде смертной казни.

Любопытны смягчающие обстоятельства, установленные в случае прелюбодеяния супруги: это просьба мужа преступницы о ее прощении или его невозможность утолить «телесную охоту» (например, в случае импотенции):

толкование к арт. 170: «Ежели невинный супруг за прелюбодеющую супругу просить будет, и с нею помирится, или прелюбодеющая сторона может доказать, что в супружестве способу не може получить телесную охоту утолить, то можно наказание умалить»⁶.

Следует отметить, что запрещая двоеженство, законодатель не устанавливает светское наказание, но апеллирует к церковным нормам:

Арт. 171. «Кто при живой жене своей на другой браком сочетается, и тако две жены разом иметь будет, онаго судить церковным правилом»⁷.

Представляется, что в Артикул Воинский намеренно не включен такой состав как прелюбодеяние между двумя холостыми людьми. Известно, что Петр I, узнав об установленной Карлом V смертной казни за «плотский грех», заметил: «Может быть, он думал, что в его государстве больше лишнего народа, чем в моем»⁸.

Единственный случай, который подпадает под законодательное регулирование, это рождение внебрачного ребенка как результат такой связи. В

¹ Ст. 25 Гл. XXII Соборного уложения 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 134–135.

² Арт. 167–168 Артикула Воинского // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 181.

³ Арт. 167 Артикула Воинского // Там же. С. 181.

⁴ Арт. 167 Артикула Воинского // Там же. С. 181.

⁵ Арт. 169–174 Артикула Воинского // Там же. С. 181–182.

⁶ Арт. 170 Артикула Воинского // Там же. С. 181–182.

⁷ Арт. 171 Артикула Воинского // Там же. С. 182.

⁸ Викторский С. К. История смертной казни в России. М., 1912. С. 118.

качестве наказания для холостых мужчин предусмотрена обязанность содержания женщины и младенца, тюремное заключение и церковное покаяние, избежать которых он может, женившись на матери своего ребенка¹.

В толковании к артикулу сказано, что если мужчина, вступая в отношения, приведшие к беременности женщины, обещал на ней жениться и этому есть доказательства, то он обязан сдержать свое слово².

Артикул Воинский не отражает законодательную позицию по поводу такого деяния как занятие проституцией, однако содержит положение о недопустимости блудных женщин в армейских частях:

Арт. 175: «Никакая блудницы при полках терпимы не будут, но ежели оныя найдутся, имеют оныя без рассмотрения особ, чрез профоса раздеты и явно выгнаны быть»³.

В первой половине XVIII в. занятие проституцией, по сути, становится криминализированным деянием. Регламент Главного магистрата предписывает строительство во всех городах смирительных домов для тех, «кто на какое время по злым его поступкам будет достоин, и посылать их на работу, чем бы они могли пропитание свое заработать, чтоб никогда праздны не были»⁴. Женщин, ведущих непристойный образ жизни, следовало помещать в прядильные дома, где «наказывать таким же образом» (т. е. работой для обеспечения своего пропитания).

Краткое изображение процессов или судебных тяжб упоминают женщину как участника уголовно-процессуальных отношений в двух главах — главе III «О свидетелях» и главе VI — «О расспросе с пристрастием и о пытке».

Статья 1 главы III «О свидетелях» устанавливает равную допустимость как мужских, так и женских свидетельских показаний («свидетели мужеска и женска полу принимаютца»⁵). Однако в статье 13 этой же главы представлена так называемая формальная теория доказательств, согласно которой различные свидетельские показания обладают изначальной неодинаковой юридической ценностью: в частности, женскому свидетельству «разумеется» следует доверять в меньшей степени, чем мужскому:

«Сие слово лутчие свидетели, разумеется, что свидетель мужеска полу паче женска, и знатный паче худого, ученый неученого и духовный светского человека почтен бывает»⁶.

Статья 9 главы III «О свидетелях» допускает возможность получения свидетельских показаний знатных лиц и дворянских жен без вызова в суд, в

¹ Арт. 176 Артикула Воинского // Там же. С. 182.

² Арт. 176 Артикула Воинского // Там же. С. 182.

³ Арт. 175 Артикула Воинского // Там же. С. 182.

⁴ Гл. XX. «О цухтгаузах (смирительных домах) и гошпиталях (или больницах)» Регламента или Устава Главного магистрата // Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I / под ред. К. А. Софроненко. М., 1961. С. 143–144.

⁵ Ст. 1 Гл. III «О свидетелях» Краткого изображения процессов или судебных тяжб // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 150.

⁶ Ст. 13 Гл. III «О свидетелях» Краткого изображения процессов или судебных тяжб // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 152.

домашних условиях. В этом отношении они уравниваются в праве с немощными, «которым в суде предстать не мочно»¹.

Статья 10 главы VI «О расспросе с пристрастием и о пытке» наряду с дворянами, служителями высоких чинов, престарелыми людьми старше семидесяти лет и недорослями, освобождает от пытки беременных женщин. Однако при этом добавляет, что «Все сии никогда к пытке подвержены не бывают, разве в Государственных делах: и в убийствах, однакож с подлинными о том доводами»².

Наконец, статья 5 данной главы содержит весьма понятные указания об очередности проведения пыток в случае, если среди преступников окажется отец с сыном или муж с женой: «тогда сына или жену наперед к пытке привести»³.

Помимо рассмотренных источников, один из составов уголовного преступления субъектом которых специально обозначена женщина, закреплен в Табели о рангах 1722 года:

«Все замужня жены поступают в рангах, по чинам мужей их, и когда они тому противно поступят: то имеют они штраф заплатить такой же, как бы должен платить муж ея был за свое преступление»⁴.

Речь идет о преступлениях против законов о состоянии, за нарушение которых предусмотрены имущественные наказания — штрафы одинакового размера, как для мужчин, так и для женщин в зависимости от занимаемого чина. Закон устанавливает формальное равенство мужчины и женщины в этом случае.

После распространения каторги с конца XVII — начала XVIII вв. актуальное значение приобретает вопрос о правовом положении жен и детей осужденных мужчин, сосланных в отдаленные места для отбывания наказания.

Как известно, начало массовой совместной ссылки было положено в 1699 году, когда Петр I отправил на «вечное житье» в Азов стрельцов вместе с их семьями за участие в Стрелецком бунте. Однако законодательное регулирование данной практика получила еще в 80-е годы XVII в. В 1680 году был издан царский указ, приказывающий ссылать воров в Сибирь «на вечное житье на пашню» с женами и детьми младше трех лет⁵. В 1688 году за

¹ Ст. 9 Гл. III «О свидетелях» Краткого изображения процессов или судебных тяжб // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 152.

² Ст. 10 Гл. VI «О расспросе с пристрастием и о пытке» Краткого изображения процессов или судебных тяжб // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 156.

³ Ст. 5 Гл. VI «О расспросе с пристрастием и о пытке» Краткого изображения процессов или судебных тяжб // Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2008. С. 155.

⁴ Табель о рангах всех чинов, Воинских, Статских и Придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однакож Воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был // Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I / под ред. К. А. Софроненко. М., 1961. С. 186.

⁵ 846. Именной указ с боярским приговором 17 ноября 1680 года. О нечинении воров за две татьбы казни, отсечения рук, ног и пальцев и о ссылке их вместо того в Сибирь на пашню с женами и детьми // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. II. 1676–1688. СПб., 1830. С. 286.

незаконную организацию корчемства было предписано преступников мужского пола отправлять в ссылку также вместе с супругой и маленькими детьми¹.

Показателен указ 1687 года, демонстрирующий, что статус мужчины в аналогичных ситуациях не зависел от участи его супруги: «которые люди за воровство доведутся ссылки мужеска полу, и тех воров посылают с женами их, а за женино воровство, мужей в ссылку не ссылают»².

Только в 1720 был издан именной императорский указ, который позволял женщине выбирать, следовать или нет за своим мужем, осужденным на пожизненную каторгу: «к каторжным невольникам, которые посланы на урочные лета, женам и детям ходить невозбранно, а которые сосланы на вечную каторжную работу, тех женам, которые похотят идти замуж, или постричься, и в своих приданных деревнях жить, и в том дать им свободу, понеже мужья отлучены вечно, подобно якобы умре»³.

В царствование Елизаветы Петровны содержание данного указа в целом было подтверждено, но с внесением некоторых уточнений: «женам же и детям осужденных в вечную работу или в ссылку и в заточение ... давать свободу, кто из них похочет жить в своих приданных деревнях; буде же из таковых жен пожелает которая идти замуж, таковым с позволения Синода давать свободу...»⁴.

А. Филиппов, вслед за А. И. Загоровским, обращает внимание, что указ 1720 года устанавливал «автоматический» развод, без ходатайства супруги, а указ 1753 года предполагает не только инициативу жены, но «позволение» Синода на новое замужество⁵.

Указ Синода 1767 года уточнил, что в целях устранения «излишней переписки и медления»⁶ для заключения нового брака в данных условиях достаточно разрешение церковных архиереев, а не самой Духовной коллегии.

Наконец, указ Синода 1804 года распространил возможность заключения нового брака для тех, чьи супруги сосланы не только на каторгу, но и на поселение. При этом уточнялось, что в случае возвращения ссыльных первоначальный брак юридической силы иметь не будет: ссыльные «не могут

¹ 1276. 7 февраля 1688 года. Статьи о продаже питей и о прекращении корчемства // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. II. 1676–1688. СПб., 1830. С. 907.

² 1266. Именной указ с боярским приговором 4 ноября 1687 года. О наказании за изнасилование девки самого виновника и его помощников в сем преступлении, по мере содействия // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. II. 1676–1688. СПб., 1830. С. 902.

³ 3628. Именной указ 16 августа 1720 года. О женах каторжных невольников // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VI. 1720–1722. СПб., 1830. С. 231.

⁴ 10101. Именной указ 25 мая августа 1753 года. Об именовании политической смертию взведение на виселицу или положение головы на плаху; о представлении в Сенат экстрактов из дел, по которым преступники присуждаются к натуральной или политической смерти, не приводя приговор в исполнение; и о подтверждении указа 1720 августа 16, касательно жен и детей тяжких преступников // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XIII. 1749–1753. СПб., 1830. С. 839.

⁵ Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой. М., 1891. С. 369.

⁶ 12943. Указ Синода 6 июля 1767 года. О позволении женам, оставшимся после сосланных в вечную ссылку мужей, с разрешения архиереев, вступать новый брак // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XVIII. 1767–1769. СПб., 1830. С. 170–171.

уже иметь права на присвоение себе прежних мужей или жен»¹. Примечательно, что в указе речь идет не только о праве жен, но и о равном праве мужей в подобных случаях.

Особую категорию составляли жены крепостных крестьян. Им, напротив, разрешалось следовать за мужем в Сибирь при наличии определенных условий: если крестьянин был осужден по суду, то его жена могла отправиться с ним только с разрешения помещика или общины; если же крепостной бы сослан без суда, по одной воле своего помещика, то супруга в обязательном порядке следовала с ним². В данных нормах выражено стремление законодателя одновременно учесть имущественные интересы привилегированного сословия и необходимость некоторым образом ограничить помещичий произвол в отношении своих крепостных.

Анализ представленных нормативных актов свидетельствует об общей правовой позиции конца XVII — первой половины XVIII вв., которая сводится к тому, что невинная супруга, как и супруг не несут ответственности за преступление, совершенное соответственно мужем или женой. В нескольких более поздних указах можно обнаружить прямую формулировку этого принципа: «женщины ссылаются равномерно же одне без мужей их, а мужья, которые в преступлениях своих жен никакого участия не имели, от того бывают свободны»³; «муж, не участвовавший в преступлении жены, так как и невинная жена, жребию преступника и ссылке вместе не подвержены»⁴.

Иначе решался вопрос об ответственности жены, знавшей о преступлении, которое совершил ее муж, но не донесшей властям об этом. Женщина в этом случае подразумевалась соучастником злодеяния, и наказание, назначаемое ей, зависело от тяжести содеянного ее супругом. Так, императорский указ 1718 года предписывает трех «женок» — Домну Денисову, Соломонидку Антипьеву и Таньку Васильеву казнить смертной казнью путем отсечения головы за «ведомство» — за то, что они владели информацией о неоднократных разбоях и убийствах, совершаемых их мужьями, и не донесли об этом. В то время как Дуньку Ларионову, муж которой был виновен только в

¹ 21276. Указ Синода 28 апреля 1804 года. О позволении мужьям и женам, оставшимся после сосланных вечно на поселение вступать в другие браки, и о недействительности прав супружества в случае возвращения ссыльных на прежние места // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVIII. 1804–1805. СПб., 1830. С. 294.

² 25238. Указ Сената 30 сентября 1812 года. Об отправлении к сосланным в Сибирь на поселение крестьянам жен их и детей по их желанию и дозволению обществ // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXII. 1812–1815. СПб., 1830. С. 433–434.

³ 13097. Указ Сената 11 апреля 1768 года. О ссылке жен, производивших корчемство без ведома и согласия мужей своих, в Оренбург на поселение, оставляя мужей и детей их на прежних жилищах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XVIII. 1767–1769. СПб., 1830. С. 523.

⁴ 21276. Указ Синода 28 апреля 1804 года. О позволении мужьям и женам, оставшимся после сосланных вечно на поселение вступать в другие браки, и о недействительности прав супружества в случае возвращения ссыльных на прежние места // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVIII. 1804–1805. СПб., 1830. С. 292.

одном разбое, было приказано сослать в прядильный дом¹. Данный указ также демонстрирует действие норм Соборного уложения 1649 года, вводящих отсрочку исполнения смертного приговора беременным женщинам: Домне Денисовой, находящейся в положении, надлежало «дать сроку как она от бремени будет свободна, а после свободы казнить смертью безо всякого милосердия, отсечь голова»².

Вторая половина XVIII — первая четверть XIX вв. не отмечены созданием новых сводов законов. Однако важность данного периода обусловлена появлением знаковых идей и проектов, отражающих передовые тенденции в развитии уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права и нашедших законодательное и практическое воплощение в последующие десятилетия XIX в.

Конец XVIII — начало XIX в. можно назвать временем рождения в России «тюремного вопроса», точнее обращения на него внимания со стороны общества и государства. Как уже отмечалось, до XIX столетия сведения, позволяющие судить о применении наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, об особенностях положения женщины в «тюрьме», и в целом о состоянии мест заключения, весьма немногочисленны. Сколько-нибудь серьезные и систематические описания тюремного устройства появляются в России только в период деятельности Попечительного о тюрьмах общества, организованного в 1819 году. Однако начало данному процессу было положено во второй половине XVIII в.

В период правления Екатерины II в России появляется идея отдельного содержания в местах лишения свободы лиц женского и мужского пола. Она нашла отражение в Положении о тюрьмах (или Уставе о тюрьмах), подготовленном императрицей в 1787 году. В этом проекте много внимания уделялось внешнему и внутреннему устройству тюремных помещений, вопросам санитарного и гигиенического обслуживания заключенных, правилам их содержания. Главное, что предполагало Положение о тюрьмах — это отдельное содержание, во-первых, предварительно заключенных (подследственных) и осужденных, во-вторых, осужденных в зависимости от характера совершенного преступления и вида наказания. В каждом из планируемых видов тюрем предполагалось отдельное содержание мужчин и женщин, в том числе с устройством отдельных женских теремных зданий³.

Справедливости ради, следует отметить, что М. Н. Гернет называет этот проект плодом фантазии, в силу того что он «исходил из полного отрицания русской действительности и совершенно не отвечал истинным намерениям Екатерины». Основным интересом проекта, с точки зрения М. Н. Гернета,

¹ 3151. Именной указ 7 февраля 1718 года. О наказании разбойников и смертоубийц и об учинении смертной казни беременным женщинам, после разрешения их от бремени // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. 1713–1719. СПб., 1830. С. 539–540.

² 3151. Именной указ 7 февраля 1718 года. О наказании разбойников и смертоубийц и об учинении смертной казни беременным женщинам, после разрешения их от бремени // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. 1713–1719. СПб., 1830. С. 540.

³ См. об этом: Перебинос Ю. А., Брызгалова И. В. Использование зарубежной теории и практики исполнения наказания в виде лишения свободы в дореволюционной России // История отечественной уголовно-исполнительной системы : сборник статей. М., 2006. С. 137–138.

«заключается именно в полном его расхождении с состоянием тюрем не только при Екатерине, но ... много десятков лет спустя»¹.

Насколько данный проект расходится с действительным положением дел в исправительных учреждениях Российской империи, позволяют судить воспоминания очевидцев. Применительно к XVIII — первой четверти XIX в. исследователи располагают сочинениями иностранцев — англичан, по различным причинам оказавшихся в России, и посетивших места заключения. Речь идет о Вильяме Коксе, осматривавшем тюрьмы в некоторых русских городах в 1778 году и напечатавшем описание своего путешествия в Россию; Джоне Говарде, известном общественном деятеле, изучавшем положение тюрем во многих странах, в том числе в России; Вальтере Венинге, филантропе, целью деятельности которого было преобразование тюрем во всем мире в соответствии с требованиями христианской морали.

В. Кокс и Дж. Говард посещали российские места заключения в 1778 и 1781 годах соответственно, то есть в период правления Екатерины II. В их работах встречаются описания как совместного, так и раздельного содержания мужчин и женщин. В случае раздельного содержания женщины находились в отдельной камере, либо отделялись от мужчин только на ночь. Судя по всему, не считалось злоупотреблением заковывание женщин в кандалы. В. Кокс отмечает, что администрация объясняла ему, что наложение оков на женщин практикуется редко, а на виновных в более тяжелых уголовных преступлениях надевают колодки².

Описания В. Кокса и Дж. Говарда нельзя считать в достаточной степени репрезентативными, так как оба автора осматривали главным образом столичные тюрьмы. Вероятно, в отдаленных от Москвы и Петербурга губерниях ситуация была более удручающей. Примерно к этому же времени, к 80-м годам XVIII столетия относится описание тюрем в губернском городе Тамбове, оставленное поэтом Г. Р. Державиным. «Губернская тюрьма оказывалась без света, без воздуха, без печей. Отмеченного Коксом разделения арестантов по полу не было, и арестованные мужчины и женщины лежали в темноте на общих нарах под потолком. Темнота была такова, что приходилось пользоваться не зрением, а осязанием. Г. Р. Державин нашел наиболее подходящим названием для тюрьмы слово “хлев”»³.

Вальтер Венинг посетил места лишения свободы в Петербурге в 1817–1818 годах. Результаты осмотра он представил в виде докладной записки Александру I. В свой доклад В. Венинг включил довольно смелые описания и суждения об устройстве различных видов мест заключения, существующих на тот момент в столице Российской империи.

Наибольшее негативное впечатление на В. Венинга произвели съезжие дома, которые он назвал «истинным рассадником порока в сем обильном городе». С его точки зрения эти места являются «неспособными к помещению человечества: мужчины и женщины, виновные и невинные, молодые и старые,

¹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 1. С. 70.

² Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 1. С. 256.

³ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 1. С. 262.

все вместе толпились в одной комнате, если же где и имелись две комнаты, то между ними существовали сообщения: мужчины помещались во внутренней, а женщины — в передней, под караулом солдат; все комнаты были подземные, сырые, темные, без кроватей; воздух в них был дурной; люди все были праздны и жаловались на недостаток хлеба. В одной съезжей комнате было 20 мужчин и 7 женщин, но сказывали, что помещалось и 60 человек вдруг»¹. В итоге, В. Венинг пишет: «Бедная девушка, которая попала в сие место хоть на одну ночь, должна была потерять всякое чувство добродетели и приготовиться на жизнь развратную и несчастную»².

Далее В. Венинг описывает казематы управы благочиния: «Две низменные комнаты были сыры и нездоровы: в первой готовили пищу и помещались женщины, которые хотя и были отгорожены, но на виду всех прохожих; ни кроватей, ни постелей в них не было, а спали женщины на настланных досках; в другой комнате было 26 мужчин и 4 мальчика»³.

В смиренном доме В. Венинг видел женщин в рогатках⁴, на которых имелось по три острых спицы, длиною восемь дюймов и так вделанных, что женщины не могли ложиться ни днем, ни ночью.

По описаниям В. Венинга в работном доме в одной комнате почти в земле содержалось 107 колодников малых, взрослых и старых, содержались они все вместе, без всякого занятия. Некоторые колодники там же были в цепях, а караульные солдаты имели сообщение с колодницами.

Применительно к кордегардии губернского правления, Венинг пишет: «Нужные места, не чистившиеся несколько лет, так заразили воздух, что почти невозможно было сносить зловоние. В сии места солдаты водили мужчин и женщин одновременно, без всякого разбора и благопристойности»⁵. Здесь имелась женская комната, но Венингу она показалась еще более худшей, чем мужская, тем более что в ней с женщинами находились днем и ночью три солдата.

В 1822 году уже в отчете Попечительного о тюрьмах общества присутствует следующее описание орловского тюремного замка: «Женщины заключены были в тюремном замке в одной небольшой комнате, на два отделения перегороженной, в которой содержались здоровые и больные заразительными болезнями. Не имея достаточного пространства, некоторые из сих заключенных должны были держать себя не иначе, как сторбившись. Здесь находились и грудные младенцы»⁶.

Нет оснований сомневаться в справедливости высказанного М. Н. Гернетом мнения о проекте Екатерины II, как и в правдивом описании

¹ Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка: историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы и до наших дней (1560–1880). СПб., 1880. С. 11–12.

² Никитин В. Н. Указ. соч. С. 12.

³ Никитин В. Н. Указ. соч. С. 12.

⁴ Рогатки — металлические ошейники, на внешней поверхности которых были вделаны железные прутья, настолько длинные, что осужденный был лишен возможности прилечь, и был вынужден все время оставаться стоя или в сидячем положении.

⁵ Никитин В. Н. Указ. соч. С. 18.

⁶ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 1. С. 283.

тюремного быта российскими и иностранными очевидцами во второй половине XVIII — начале XIX вв. Однако именно в этот период были рождены тенденции, получившие развитие в последующие десятилетия.

В XIX веке эволюция отечественного права, влияние зарубежной правовой мысли, феминистических идей привели к некоторым изменениям положения женщины в российском обществе в целом, и в системе уголовного правосудия в частности.

Важнейшими нормативными актами в этом отношении стали Устав о ссыльных и Устав об этапах 1822 года, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, указ «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных» 1863 года, Устав уголовного судопроизводства 1864 года, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года и др.

Устав о ссыльных и Устав об этапах вошли в состав «Сибирского учреждения» — собрания нормативных актов по различным вопросам управления сибирским регионом, подготовленного М. М. Сперанским. Уставы регулировали порядок исполнения двух видов наказания, весьма распространенных в Российской империи, — ссылку в каторжные работы и ссылку на поселение.

Устав о ссыльных 1822 года подразделяет ссыльных женщин на две категории: идущих по собственной воле со своими мужьями и определенных в ссылку по суду, как с мужьями, так и без них. Устав оговаривает, что по общему правилу лица женского пола «пересылаются» так же, как и ссыльные мужчины¹. По сути это означает равенство их правового статуса. Например, «Женщины, употребляемые в работу, имеют равное право на получение заработанных денег и провианта»². Исключение составляют женщины, следующие в ссылку за мужьями по собственной воле: во все время следования их запрещено отделять от мужей и подвергать строгому надзору. Кроме того, для них определены кормовые деньги³.

Устав о ссыльных был дополнен в 1823 году указом Сената, вводящим обеспечение женщин и детей, отправляющихся вместе со своими мужьями и отцами в Сибирь, не только кормовыми деньгами, но и необходимой одеждой и обувью сообразно текущему времени года. Снабжение предполагалось осуществлять за казенный счет.

Примечательно, что в тексте указа Сената речь идет о введении общего правила, распространяемого не только на женщин, но и на мужчин: «чтобы жены, следующие с своими мужьями, так как и мужья с женами, отправляемыми в Сибирь в ссылку, или на поселение, равным образом и дети

¹ 29.128. 1 июля 1822 года. Устав от ссыльных. § 221, 223. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. 1822–1823. СПб., 1830. С. 446.

² 29.128. 1 июля 1822 года. Устав от ссыльных. § 256. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. 1822–1823. СПб., 1830. С. 448.

³ 29.128. 1 июля 1822 года. Устав от ссыльных. § 222. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. 1822–1823. СПб., 1830. С. 446.

их, были снабжаемы от казны...»¹. Это свидетельствует о равноправном положении мужчин и женщин, едущих по собственному желанию в ссылку вслед за своей супругой или супругом. Преобладающее упоминание лиц женского пола в остальных указах, вероятно, объясняется тем, что они чаще оказывались в ситуации добровольных ссыльных.

Устав об этапах также не делает особой разницы между ссыльными мужчинами и ссыльными женщинами. Единственное упоминание о лицах женского пола сводится к тому, что пересылаемых женщин при этапировании допускается сажать на подводы, в случае «ежели возможно будет по количеству клади» (§ 55)².

В 1857 году в связи с изменением уголовного законодательства Устав о ссыльных был переиздан. В нем нашли отражение нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, касающиеся, в том числе положения женщин, а также были введены новые статьи, предполагающие для лиц женского пола определенные привилегии.

В соответствии с Уставом 1857 года, ссыльные отправлялись из каждой губернии не чаще одного раза в неделю. Если среди ссыльных находились женщины, следовавшие без мужей, то они отправлялись отдельно, через два дня после отправки основной партии³. Женщины, имеющие грудных младенцев, препровождались на подводах⁴.

В период правления Николая I под руководством М. М. Сперанского была проведена беспрецедентная в истории России кодификация права. Уложенная комиссия была преобразована во второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Результатом его работы стали 40 томов Полного собрания законов Российской империи и 15 томов Свода законов Российской империи. Уголовное право было систематизировано в XV томе Свода законов. Однако данный опыт не был удачным: многие уголовные нормы были не согласованы, находились в противоречии друг другу. Недочеты в проведенной работе стали очевидны сразу после опубликования XV тома Свода законов.

Было принято решение о проведении новой кодификации уголовного права. Подготовленный проект был утвержден императором в 1845 году и получил название «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Он стал значительным шагом в развитии русского уголовного права и его систематизации. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и по структуре и по содержанию можно назвать полноценным отраслевым

¹ 29.624. Указ Сената 11 октября 1823 года. О снабжении пищею, одеждою и обувью жен и детей, отправляющихся с мужьями и родителями, осужденными в ссылку в Сибирь // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. 1822–1823. СПб., 1830. С. 1235.

² 29.129. 1 июля 1822 года. Устав от этапах в Сибирских губерниях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. 1822–1823. СПб., 1830. С. 472.

³ Ст. 41 Устава о ссыльных 1857 года // Свод законов Российской империи. Т. XIV. Тетр. 5. СПб., 1857. С. 10.

⁴ Ст. 91 Устава о ссыльных 1857 года // Свод законов Российской империи. Т. XIV. Тетр. 5. СПб., 1857. С. 17.

нормативно-правовым актом, первым уголовным кодексом Российского государства.

Уложение 1845 года окончательно уравнивает уголовную ответственность мужчины и женщины по преступлениям, совершенным в браке по отношению друг к другу. В отличие от других источников, законодатель при регулировании подобных преступлений чаще всего использует термин «супруг», «супруги», не обозначая половую принадлежность.

Признавалось квалифицированным убийство одного супруга другим, без различия, кем оно совершено — мужем или женой¹. Также не зависела от пола преступника ответственность, которой подвергался один из супругов за жестокое обращение и причинение увечий и ран другому², принуждение к незаконному действию³, совершенное прелюбодеяние⁴ и т. п.

Такой вид преступления как прелюбодеяние предполагал по Уложению наказание, назначаемое не только духовными, но и светскими властями — тюремное заключение на срок до года и церковное покаяние по распоряжению духовного начальства⁵.

Изменилось отношение законодателя к специфически женским преступлениям. Уложение 1845 года относило детоубийство к квалифицированным преступлениям. Смягчающим обстоятельством являлось совершение убийства незаконнорожденного младенца (новорожденного) матерью, если оно было непредумышленным и содеянным от страха и стыда⁶. Однако при этом Уложение вводило ответственность для женщины, родившей мертвого ребенка, но скрывшей его тело под действием эмоций и переживаний, вместо того, чтобы «объявить о сем как следовало». Женщина подвергалась тюремному заключению на срок от шести месяцев до одного года⁷.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных было криминализовано такое деяние как «изгнание плода». Если аборт был произведен с ведома и по согласию беременной женщины, то ее ожидало уголовное наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылки на поселение в Сибирь⁸. Такое же наказание предполагалось для тех, кто осуществит процедуру аборта⁹. В целом, если исходить из тяжести наказания, то умерщвление плода было приравнено к детоубийству при наличии рассмотренных выше смягчающих обстоятельств.

¹ Ст. 1922 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845. СПб., 1846. С. 938.

² Ст. 2075 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 971.

³ Ст. 2076 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 971.

⁴ Ст. 2077 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 971–972.

⁵ Ст. 2077 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 971.

⁶ Ст. 1922 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 939.

⁷ Ст. 1931 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 941.

⁸ Ст. 1933 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 942.

⁹ Ст. 1933 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 941.

Уложение 1845 года систематизировало преступления, направленные против общественной нравственности¹. К ним были отнесены следующие виды преступлений, субъектом которых традиционно является женщина: непотребное поведение в публичном месте, сводничество, устройство публичных домов, занятие проституцией («обращение непотребство в ремесло»²) и др. Наказаниями за данные преступления, как правило, являлись денежные взыскания и арест.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года впервые включает статью, устанавливающую ответственность непотребных женщин за сокрытие от врача венерических заболеваний. Значение этой нормы и ее соотношение с другими положениями не ясно без дополнительных пояснений.

В 1843 году, как следствие опасений властей относительно распространения «любоэрастной болезни», в России был учрежден «Врачебно-полицейский комитет». В его функции входил государственный учет «непотребных» женщин, выдача им «заменительных билетов» (в простонародье — «желтых билетов»), каждый из которых содержал фотографию женщины и ее личные данные, правила об устройстве публичных домов, отметки о проводимых регулярных медицинских осмотрах.

Противоречие между законодательным актом и фактической легализацией проституции было решено следующим образом. В 1853 году Государственный совет принял постановление, согласно которому женщины легкого поведения, состоявшие под врачебно-полицейским контролем, освобождались от ответственности по статье 1287 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (за занятие проституцией). Это решение не было обнародовано, но доведено до сведения губернаторов³.

В 1864 году статья 44 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, фактически отменила уголовную ответственность для тех женщин легкого поведения, которые занимались проституцией на условиях подчинения врачебно-полицейскому контролю⁴.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных стремилось минимизировать последствия привлечения мужчины к уголовной ответственности для его жены и детей. При различных мотивациях законодателя, среди которых, вероятно, присутствует забота о сохранении сословного строя, результат этих устремлений остается одним: за содеянное отвечает только виновный, а не зависимые от него лица в том числе. Так, Уложение подчеркивает, что в случае назначения мужчине наказания в виде лишения всех прав состояния или лишения особенных прав, его жена и дети, рожденные или зачатые до

¹ Гл. IV. О преступлениях против общественной нравственности, и нарушении ограждающих оную постановлений Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 838–841.

² Ст. 1287 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 838.

³ См. об этом: Мартыненко Н. К. Проституция в императорской России: от запрета к легализации // Новый исторический вестник. 2009. № 19. С. 34–36.

⁴ Ст. 44 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. 1864. СПб., 1830. С. 405.

вынесения приговора, сохраняют все права и привилегии, даже если следуют добровольно за осужденным¹.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года представлена система норм, направленных на защиту чести и достоинства женщины. Законодатель выделяет различные категории преступлений, среди которых есть как уже традиционные составы (похищение женщины), так и установленные впервые (например, за умышленное вторжение «в публичную баню не своего пола, в то время, когда в ней моются»²). Преступления против половой неприкосновенности лиц женского пола объединены в Уложении в отделение первое «О преступлениях против чести и целомудрия женщин» VI главы «Об оскорблении чести»³.

Уложение дифференцирует наказание за изнасилование лиц женского пола в зависимости от возраста (до 14 лет и старше 14 лет)⁴, определяет отягчающие обстоятельства изнасилования (замужество женщины; сопряжение изнасилования с истязаниями, похищением, угрозой для жизни, растлением; властные полномочия преступника над жертвой; если преступник являлся крепостным или наемным служителем и др.⁵), разграничивает понятия изнасилования и покушения на изнасилование⁶.

Кроме того, защита целомудрия и чести женщины, наряду с обороной собственной жизни, признавалась обстоятельством, исключая ответственность за совершение «смертоубийства»⁷. Женщина, лишившая себя жизни или совершившая покушение на самоубийство, ради спасения своей чести и целомудрия от неотвратимого насилия, не являлась преступницей⁸.

Уложение 1845 года содержит сложную иерархию уголовных и исполнительных наказаний, образующих так называемую «лестницу наказаний». По отношению к женщинам оно определяет ряд изъятий в системе наказаний, которые можно воспринимать как установление определенных преференций женскому полу. Во-первых, женщины освобождаются от клеймения⁹. Во-вторых, наказание в виде осуждения к каторжной работе в рудниках или в крепостях для женщин заменялось работой на заводах, однако с увеличением срока отбывания наказания — за один год работы в рудниках полагались полтора года работы на заводах¹⁰. В-третьих, наказание в виде работ в

¹ Ст. 26, ст. 49 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845. СПб., 1846. С. 602, 607.

² Ст. 1292 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845. СПб., 1846. С. 839.

³ Отд. 1 Гл. VI «Об оскорблении чести» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 955–957.

⁴ Ст. 1998–2000 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 955–956.

⁵ Ст. 2001, 2003 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 956.

⁶ Ст. 2004 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 956–957.

⁷ Ст. 1942 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 944.

⁸ Ст. 1945 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 944.

⁹ Ст. 28 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 603.

¹⁰ Ст. 75 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 610.

арестантских ротах для женщин заменялось отдачей в рабочие дома с аналогичным порядком изменения срока отбывания наказания¹. В-четвертых, по отношению к женщинам не практиковалось бритье половины головы². В-пятых, к женщинам не применялись так называемые «меры усиления наказания», за одним исключением: женщины, ссылаемые на заводы вместо бессрочных работ в рудниках, также как бессрочные каторжане, содержались в ручных и ножных оковах, «но менее тяжелых»³.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных сохраняет для женщин телесные наказания (за исключением представительниц привилегированных сословий)⁴. Только в 60-е годы XIX в. в соответствии с указом «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных» применять по отношению к женщинам телесные наказания было запрещено, однако они сохранялись для ссыльнокаторжных⁵. Наконец, указ 1893 года «Об отмене телесных наказаний для ссыльных женщин» установил, что ссыльные женщины также не подлежат телесным наказаниям плетьюми, лозами или розгами и приковыванию к тележке⁶.

Значительным шагом в развитии уголовно-процессуального законодательства стало принятие в 1864 году Устава уголовного судопроизводства, являвшегося одним из базовых документов судебной реформы Александра II. Статьи Устава, направленные, в том числе, на изменение положения женщины как субъекта уголовно-правовых отношений, носили явный прогрессивный характер.

Во-первых, относительно осмотра и освидетельствования лиц женского пола, находящихся под следствием, оговаривалось участие в качестве понятых только замужних женщин. Если освидетельствование предполагало обнажение скрытых частей тела, присутствие следователя по требованию женщины исключалось⁷.

К одним из изъятий из правил о немедленном исполнении приговоров относилось «исполнение наказаний над женщинами беременными или недавно разрешившимися от бремени». В таких случаях отсрочка исполнения приговора составляла 40 дней после родов⁸.

Также на 40 дней до и на 40 дней после родов освобождались от работ беременные и разрешившиеся от бремени женщины, находящиеся в ссылке и в местах заключения⁹.

¹ Ст. 83 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 611.

² Приложение I Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 1005.

³ Дополнительные постановления к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 1012.

⁴ Приложение I Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Там же. С. 1005.

⁵ См.: Гольденберг И. Реформа телесных наказаний. С-Петербург, 1913. С. 57.

⁶ См.: Гольденберг И. Указ. соч. С. 60.

⁷ Ст. 322, 351 Устава уголовного судопроизводства 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. 1864. СПб., 1830. С. 238, 240.

⁸ Ст. 959 Устава уголовного судопроизводства 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. 1864. СПб., 1830. С. 282.

⁹ Ст. 970 Устава уголовного судопроизводства 1864 года // Там же. С. 283.

Любопытно, что в отношении женщин, практикующих грудное вскармливание, законодатель устанавливал полуторагодовую отсрочку применения наказания в виде ссылки¹. На такой же срок — полтора года — предполагалось облегчение работ для ссыльнокаторжных и заключенных в тюрьмах женщин, имеющих детей, находящихся на грудном вскармливании².

Статья 969 Устава уголовного судопроизводства закрепила право женщин, осужденных к ссылке, не разлучаться со своими грудными детьми. Также женщина могла принять решение об оставлении младенца на попечение родственников³.

Признавая прогрессивный характер вводимых норм, необходимо отметить, что уголовное и уголовно-исполнительное законодательство 60-х годов XIX в. на несколько шагов опережало правоприменительную практику, в которой мало что изменилось по сравнению с первой половиной столетия.

Циркуляры министерства внутренних дел на протяжении 1830–1860-х годов отмечают одни и те же недостатки в работе тюремных учреждений, среди которых такое существенное нарушение как совместное содержание мужчин и женщин.

Положение женщин в местах лишения свободы усугублялось в силу того, что тюремный персонал формировался преимущественно из лиц мужского пола. Отсутствие повсеместного раздельного содержания, наличие мужской администрации и персонала, приводили, в том числе, к сексуальной эксплуатации женщин. Показательны в этом отношении воспоминания врача Н. С. Лобаса, практиковавшего на Сахалине, куда было принято отправлять ссыльнокаторжных с 1870 года. Н. С. Лобас писал о существовании особого приказа по острову, который определял порядок «раздачи» женщин мужчинам-поселенцам: «женщины, сосланные на остров Сахалин, сортировались таким образом, чтобы наибольшая их часть поступала в распоряжение холостых чиновников, надзирателей и ссыльнокаторжных мужчин-поселенцев»⁴.

Тюремные надзирательницы (смотрительницы женских отделений) были введены в состав персонала только в конце XIX в. (1887 год)⁵. В связи с недостатком соответствующих кадров в местах лишения свободы, сложилась практика назначения на должности надзирательниц жен тюремных жандармов.

Во второй половине XIX — начале XX в. в Российской империи продолжало действовать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в редакции 1885 года). Однако еще в 80-е годы XIX столетия была начата активная работа по составлению нового уложения. Проект уголовного свода был подготовлен, рассмотрен Государственным Советом и в 1903 г. утвержден императором с указанием, что Уложение будет введено в силу специальным указом. Но такого указа не последовало.

¹ Ст. 959 Устава уголовного судопроизводства 1864 года // Там же. С. 282.

² Ст. 970 Устава уголовного судопроизводства 1864 года // Там же. С. 283.

³ Ст. 969 Устава уголовного судопроизводства 1864 года // Там же. С. 283.

⁴ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1952. Т. 3. С. 385.

⁵ Пирогов П. П. Тюремная система Российской Империи и ее кадровое обеспечение в XIX — начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2000. С. 19.

Уложение 1903 года существенно отличалось от действующего уложения 1845 года. Новый уголовный закон, как отмечено в императорском указе, должен был соответствовать условиям государственного и общественного быта, явившегося следствием реформ Александра II¹. Данная задача была выполнена авторами Уложения, сумевшими отразить в нем основные принципы развивающегося буржуазного права.

Несмотря на то, что Уголовное уложение 1903 года так и не было введено в действие, оно имеет важное значение как документ, демонстрирующий основные тенденции развития уголовного права в Российской империи в начале XX в., т. е. в большей степени в период конституционной монархии.

В отношении рассматриваемой темы Уголовное уложение предусматривало следующие изменения. Во-первых, вводились новые составы преступлений, в которых женщины определялись в качестве объекта преступного посягательства: нарушение работодателем правил безопасности труда в отношении женщин², лишение женщин личной свободы и принуждение их к занятию непотребством (в том числе, вне пределов России)³, оскорбление чувства стыда женщины при проведении процедуры освидетельствования⁴ и др.

Во-вторых, устанавливались новые изъятия в системе наказаний для женщин: для лиц мужского и женского пола, достигших возраста семидесяти лет, смертная казнь и каторга заменялись ссылкой на поселение; для лиц женского пола младше семидесяти лет, смертная казнь заменялась бессрочной каторгой (за исключением наиболее тяжких государственных преступлений)⁵.

В-третьих, из Уложения, как светского нормативного акта, были исключены церковные нормы, традиционно использовавшиеся законодателем при определении санкции за прелюбодеяния и преступления против половой неприкосновенности.

В целом, в отношении женщины как субъекта уголовных отношений, Уложение 1903 года отражает новые тенденции в развитии уголовного права, нашедшие в последующем воплощение в современном законодательстве.

Период абсолютной монархии является небольшим хронологическим отрезком в истории российского государства, но он представлен значительным разнообразием нормативных актов, свидетельствующих о появлении различных по своему содержанию и значению правовых тенденций. Позиция законодателя в отношении статуса женщин в сфере уголовного правосудия с конца XVII — начала XVIII вв. изменилась от дискриминационной, соответствующей установкам феодального общества, до введения в XIX веке

¹ Именной высочайший указ и высочайше утвержденное мнение Государственного совета // Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Сенатская типография, 1903. Издание неофициальное.

² Ст. 366 Уголовного уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Сенатская типография, 1903. Издание неофициальное. С. 75.

³ Ст. 500, ст. 526, ст. 527 Уголовного уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Сенатская типография, 1903. Издание неофициальное. С. 99, 104–105.

⁴ Ст. 651 Уголовного уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Сенатская типография, 1903. Издание неофициальное. С. 136.

⁵ Ст. 58 Уголовного уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Сенатская типография, 1903. Издание неофициальное. С. 12.

определенных преимуществ, подчеркивающих особое положение лиц женского пола.

Заключение

Признавая в целом гендерно-нейтральный характер норм уголовного и уголовно-исполнительного права XI–XIX веков, необходимо отметить определенную эволюцию, происшедшую в этом направлении: от положений, имеющих дискриминационный характер по отношению к женщине, до введения для нее определенных привилегий.

Источники периода раннефеодальной монархии и феодальной раздробленности не позволяют сформировать полное представление о правовом статусе женщины как субъекте уголовных отношений. В нормативных актах данной исторической эпохи возможно выделение статей, косвенно подтверждающих неравноправное положение женщины: женщина вместе с детьми разделяет с супругом наиболее тяжкое уголовное наказание («поток и разграбление»), за полигамию для мужчин и женщин предусмотрены различные наказания.

Большинство преступлений, субъектом и жертвой которых выступают лица женского пола, регулируются в этот период церковными нормами. В значительной степени речь идет о бытовых преступлениях (против чести и достоинства женщины, кражи между родственниками, прелюбодеяние и др.). Источники отражают очевидное стремление светского законодателя распространить свою юрисдикцию на данную сферу отношений. Об этом свидетельствуют происхождение Церковного устава Ярослава (это церковный нормативный акт государственного происхождения), а также совместное участие церковной и княжеской властей в осуществлении правосудия. Отличительной чертой этого периода является также применение специфического женского наказания — заточения в монастырь (передача в «дом церковный»).

Нормативные акты периода сословно-представительной монархии демонстрируют «неполноценное», неравное мужскому, положение женщины в сфере уголовно-правовых отношений, что соответствует пониманию женской роли в феодальном обществе (квалифицированная смертная казнь для мужеубийцы; отсутствие статей, определяющих наказания за побои, нанесенные мужем своей жене; ответственность жены за преступления, совершенные ее мужем). Но вместе с тем, для этой эпохи характерно выделение женщины как отдельного субъекта преступлений, самостоятельного участника уголовно-процессуальных отношений и как жертвы преступного посягательства в светском законодательстве.

Многообразие источников периода абсолютной монархии позволяет, во-первых, рассмотреть различные аспекты статуса женщины как участника уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений. Во-вторых, проследить, каким образом положение женщины в анализируемом контексте изменяется вначале до идентичного мужскому (это подчеркивается в термине «супруги», который все чаще использует законодатель), а затем до введения изъятий, означающих предоставление женщинам особых преимуществ.

К рубежу XIX–XX веков в российском законодательстве закрепляется отсрочка исполнения приговора беременным женщинам и женщинам, имеющим грудных детей, запрет на применение к лицам женского пола некоторых видов наказаний, определенный порядок этапирования осужденных женщин к месту отбывания наказания, раздельное содержание женщин и мужчин в местах лишения свободы и др.

Дальнейшее развитие уголовно-правовых норм отражает проект Уголовного уложения 1903 года, который, вероятно, должен был стать уголовным кодексом периода конституционной монархии, но так и не был введен в действие. Проект предполагал впервые в истории Российской империи отказ от применения смертной казни в отношении женщин (за исключением особо тяжких государственных преступлений), наказание за принуждение женщин к занятию проституцией вне пределов России, оскорбление чувства стыда женщины при проведении процедуры освидетельствования и другие положения, нашедшие отражение в современном законодательстве.

Список использованных источников и литературы

1. 10101. Именной указ 25 мая августа 1753 года. Об именовании политической смертью взведение на виселицу или положение головы на плаху; о представлении в Сенат экстрактов из дел, по которым преступники присуждаются к натуральной или политической смерти, не приводя приговор в исполнение; и о подтверждении указа 1720 августа 16, касательно жен и детей тяжких преступников // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание первое. — Т. XIII. 1749–1753. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 838–839.
2. 1266. Именной указ с боярским приговором 4 ноября 1687 года. О наказании за изнасилование девки самого виновника и его помощников в сем преступлении, по мере содействия // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание первое. — Т. II. 1676–1688. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 901–902.
3. 1267. Именной указ 6 ноября 1687 года. О несылке в Соловецкий монастырь Степана Коробьина под начало за изнасилование девки, и об уплате ей безчестия 500 рублей // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание первое. — Т. II. 1676–1688. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 903.
4. 1276. 7 февраля 1688 года. Статьи о продаже питей и о прекращении корчемства // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание первое. — Т. II. 1676–1688. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 905–908.
5. 12943. Указ Синода 6 июля 1767 года. О позволении женам, оставшимся после сосланных в вечную ссылку мужей, с разрешения архиереев, вступать новый брак // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание первое. — Т. XVIII. 1767–1769. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 170–171.
6. 13097. Указ Сената 11 апреля 1768 года. О ссылке жен, производивших корчемство без ведома и согласия мужей своих, в Оренбург на поселение, оставляя мужей и детей их на прежних жилищах // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание первое. — Т. XVIII. 1767–1769. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 522–523.
7. 21276. Указ Синода 28 апреля 1804 года. О позволении мужьям и женам, оставшимся после сосланных вечно на поселение вступать в другие браки, и о недействительности прав супружества в случае возвращения ссыльных на прежние места // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание первое. — Т. XXVIII. 1804–1805. — СПб.: Типография II

- Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 292–294.
8. 25238. Указ Сената 30 сентября 1812 года. Об отправлении к сосланным в Сибирь на поселение крестьянам жен их и детей по их желанию и дозволению обществ // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание первое. — Т. XXXII. 1812–1815. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 433–434.
 9. 29.128. 1 июля 1822 года. Устав от ссыльных // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание первое. — Т. XXXVIII. 1822–1823. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 433–469.
 10. 29.129. 1 июля 1822 года. Устав от этапных в Сибирских губерниях // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание первое. — Т. XXXVIII. 1822–1823. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 469–487.
 11. 29.624. Указ Сената 11 октября 1823 года. О снабжении пищею, одеждою и обувью жен и детей, отправляющихся с мужьями и родителями, осужденными в ссылку в Сибирь // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание первое. — Т. XXXVIII. 1822–1823. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 1235–1236.
 12. 3151. Именной указ 7 февраля 1718 года. О наказании разбойников и смертоубийц и об учинении смертной казни беременным женщинам, после разрешения их от бремени // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание первое. — Т. V. 1713–1719. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 539–540.
 13. 3628. Именной указ 16 августа 1720 года. О женах каторжных невольников // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание первое. — Т. VI. 1720–1722. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 231.
 14. 846. Именной указ с боярским приговором 17 ноября 1680 года. О нечинении ворами за две татьбы казни, отсечения рук, ног и пальцев и о ссылке их вместо того в Сибирь на пашню с женами и детьми // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание первое. — Т. II. 1676–1688. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 286.
 15. 1335. Февраля 19. Именной с Боярским приговором. О неокапывании в землю жен за убийство мужей их, а об отсечении им голов // Полное собрание законов Российской империи. — Т. III. 1689–1699. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 15.
 16. 14. 1677 Марта 11. Память Владимирского воеводы Федора Юрлова Успенского монастыря игуменье Маремьяне о пострижении крестьянки

- Фетиньи, которая за убийство мужа своего пробыла сутки окопанною в земле // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. — Т. V. 1676–1700. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1842. — С. 25.
17. 355. Февраля 12. Приговор Земского приказа. О наказании кнутом Ивашки Долгова за убийство жены своей, и об отпуске его на поруки // Полное собрание законов Российской империи. — Т. I. С 1649 по 1675. От № 1 до 618. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 596.
18. № 49-й «Челобитье вдовы Федоры Желябужской об отпуске сына из под Смоленска для погребения дочери ея, убитой мужем» // Акты Московского государства / под ред. Н. А. Попова. — Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. — СПб.: Типография императорской Академии наук, 1890. — С. 84.
19. 80. 1682 Марта 28. Грамота Новгородского митрополита Корнилия Тихвинского монастыря архимандриту Макарию об отдаче под начало и пострижение двух женщин, подвергнутых за уголовное преступление трехсуточному окопанию в землю // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. — Т. V. 1676–1700. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1842. — С. 127–128.
20. Артикул Воинский // Хрестоматия по истории государства и права России. — М.: Проспект, 2008. — С. 158–186.
21. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. — Выпуск второй. — Киев, СПб: Издание книгопродавца Н. Я. Оглобина, 1887. — 236 с.
22. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. — Т. 1. — 327 с.
23. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. — Т. 3. — 400 с.
24. Гольденберг И. Реформа телесных наказаний. — С-Петербург: издание М. И. Семенова, 1913. — 72 с.
25. Кормчая. — М.: Единоверческая Троицкая типография, 1898. — 743 л.
26. Лещенко В. Ю. Русская семья (XI–XIX вв.) : монография. — СПб.: СПГУТД, 2004. — 608 с.
27. Мартыненко Н. К. Проституция в императорской России: от запрета к легализации // Новый исторический вестник. — 2009. — № 19. — С. 30–37.
28. Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка: историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы и до наших дней (1560–1880). — СПб., 1880. — 674 с.
29. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / пер. с нем. А. М. Ловягина. — СПб.: Издание А. С. Суворина. 1906. — 582 с.

30. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / под ред. С. В. Юшкова. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. — 287 с.
31. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. — 527 с.
32. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. / под ред. Л. В. Черепнина. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. — С. 632.
33. Памятники русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. — 603 с.
34. Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I / под ред. К. А. Софроненко. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. — 667 с.
35. Пирогов П. П. Тюремная система Российской Империи и ее кадровое обеспечение в XIX — начале XX в.в. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2000. — 25 с.
36. Соборное уложение 1649 года // Хрестоматия по истории государства и права России. — М.: Проспект, 2008. — С. 47–138.
37. Судебник царя Федора Ивановича 1589 года. По списку собрания Ф. Ф. Мазурина. — М.: Типография Г. Лиснера и А. Гешеля, 1900. — С. XXII.
38. Таннер, Бернгард Леопольд. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / пер., прим. и прил. И. Ивакина. — М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1891. — 203 с.
39. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. — СПб.: Сенатская типография, 1903. Издание неофициальное. — 144 с.
40. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание второе. — Т. XX. 1845. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1846. — С. 598–1010.
41. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание второе. — Т. XXXIX. 1864. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 401–418.
42. Устав о ссыльных 1857 года // Свод законов Российской империи. — Т. XIV. Тетр. 5. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1857. — С. 1–177.
43. Устав уголовного судопроизводства 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. — Собрание второе. — Т. XXXIX. 1864. — СПб.: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. — С. 215–306.

44. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой. — М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1891. — 457 с.
45. Шокарев С. Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 476[4] с.: ил. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

учебное издание

**кандидат исторических наук
Анна Петровна Веселова**

**ЖЕНЩИНЫ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

учебное пособие

Редактор: Н. В. Балашова

Корректор: Т. Б. Аристова

Подписано в печать 06.04.2016.
Формат 60x84 1/16. Бумага книжно-журнальная.
Усл. печ. л. 2,49. Уч.-изд. л. 3,23. Тираж 30 экз. Заказ № 11.

Организационно-научное и редакционно-издательское отделение
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
654066, Кемеровская обл., г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49
e-mail: nauka@kifsin.ru

Отпечатано в типографии
ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России
654066, Кемеровская обл., г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49